

№8 (1607)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

# ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЗВУЧАЛИ  
ГОЛОСА, ЧТО ВЫХОД — В СВЕРЖЕНИИ  
РЕЖИМА ВНУТРЕННИМИ СИЛАМИ



Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, И.Б. Чубайс, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96  
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;  
posevru@online.ru  
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена  
Подписано в печать 26.07.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:  
Flurscheideweg 15,  
D-65936, Frankfurt a. M., Germany  
Tel. 34-1265; fax 34-3841.  
http://www.posev.de  
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.  
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

# ПОСЕВ

№ 08 (1607) август 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

## Содержание:

Колонка редактора. ....	2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ	
<b>Желю Желев.</b>	
«Если цели снова будут оправдывать средства, всё опять погибнет» .....	4
<b>Григорий Амнуэль.</b>	
Политический театр .....	9
<b>Илья Хандриков.</b>	
К проблемам малого и среднего бизнеса. . .	10
<b>Александр Черницкий.</b>	
«Как Белковский и Кончаловский бьются за модернизацию» .....	13
<b>Франк Сысин.</b>	
Богатство украинской диаспорной украинистики .....	19
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
<b>Валерий Сендеров.</b>	
Псевдоморфоз. ....	23
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
<b>Никита Кривошеин.</b>	
Сурдокамера .....	26
<b>Святослав Иванов.</b>	
Довоенный мир в настольном календаре советского учителя на 1941 год .....	32
<b>Дмитрий Воробьевский.</b>	
Дезертиры .....	38
<b>Александр Гогун.</b>	
Карьера по обе стороны фронта .....	39
КНИГИ И ЛЮДИ	
<b>Владимир Губайловский.</b>	
Третья сила .....	41
НТС	
В Совете НТС .....	43
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
<b>Александр Серёгин.</b>	
«Бывшие люди» .....	45
<b>Владимир Чичерюкин-Мейнгардт.</b>	
Полковник В. А. Геймовский. ....	47
Короткие сообщения .....	48
ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ	
<b>Харри Поль.</b> .....	48



Двадцать лет назад, 19 августа 1991 года, мы прочли «Обращение к советскому народу», подписанное Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР, комитетом, о существовании которого подавляющее большинство «советского народа» ничего не знало ещё накануне. В тексте говорилось: «Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачёва политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик». Далее было сказано, что «на смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние».

С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы документ назывался «Обращение к номенклатуре ЦК КПСС», но он назывался иначе. Приблизительно с 1988 года процесс самоорганизации общества стал бурным: количество открыто обсуждаемых тем росло день ото дня, в городах стихийно возникали Гайд-парки, на улицу вышел Самиздат. Повсеместно учреждались Народные фронты, политические партии и движения самой разной политической окраски от монархистов-легитимистов до анархо-синдикалистов, экологические, литературные и какие ещё угодно клубы, семинары, кружки и т. д.

Сопоставимый по масштабу интерес общества к общественным проблемам, такая степень желания людей самим вершить свою судьбу наблюдался в России в начале XX века, а в СССР никогда. Некоторые аналоги, но в разы более слабые, были во времена Оттепели, последовавшей за смертью Сталина. Так что никакого безверия, апатии и отчаяния в обществе не было. Именно в обществе. Причём безверия — в буквальном смысле слова. В том же 1988 году было отмечено тысячелетие крещения Руси, Горбачёв приступил к нормализации взаимоотношений государства и Церкви, отныне можно было безбоязненно говорить о своей конфессиональной принадлежности, на телевидении появились передачи религиозной тематики, и количество людей, называющих себя верующими, начало стремительно расти, особенно в среде молодёжи.

Из тюрем и лагерей освободились политические заключённые. Вернули гражданство писателям, правозащитникам и другим, кто был его лишён в брежневско-андроповские времена. Перестали глушить зарубежные радиостанции, облегчили выезд за границу, а, следовательно, и контакты с Русским зарубежьем. Общаться с зарубежьем стало возможно и не выезжая — позвонить (без последующего отключения властями вашего телефона), принять гостя (без топтуна у подъезда), получить по почте письмо, газету, брошюру, книгу. Разрешили рок-музыку и частное предпринимательство.

Толстые журналы осуществляли массовую перепечатку произведений, которые до того десятилетиями принадлежали только Тамиздату и Самиздату, тиражи превысили миллион. Тонкие журналы и газеты помещали смелую публицистику (правда, некоторые СМИ

проявили верность охранительным традициям). Привычные ещё вчера запреты падали один за другим. И вот именно это всё и вызывало безверие, апатию и отчаяние, но только не у народа, к которому взывал ГКЧП, а у номенклатуры.

«Власть на всех уровнях потеряла доверие населения», — продолжали члены новообразованного комитета. И да, и нет. Если говорить о райкомах, обкомах, горкомах КПСС, политбюро и ЦК, то — да, потеряла доверие, наблюдался массовый выход людей из этой партии — сдача партбилета и приложенное заявление с просьбой рассмотреть его без участия автора. Как студент Историко-архивного института в первой половине 1990-х, я проходил архивную практику, держал в руках эти билеты и заявления, в Москве их тысячи и тысячи, думаю, что не только в Москве.

Но если иметь в виду новые властные структуры — съезды народных депутатов и президентские посты в республиках, то картина меняется на противоположную. Заседания съездов транслировались по радио и телевидению. Во всех магазинах, парикмахерских, поликлиниках и других общественных местах приёмники были включены и привлекали к себе пристальное внимание людей. 12 июня 1991 года состоялись первые в истории России президентские выборы, феноменально популярный в то время Борис Ельцин победил с большим отрывом. Не воодушевили выборы президента СССР, но они не были общенародными, кроме того, падение популярности Горбачёва в 1990-е объясняется не в последнюю очередь тем, что он начал окружать себя людьми с реакционным мировоззрением, теми самыми, которые и сформируют потом ГКЧП.

«Кризис власти катастрофически сказался на экономике». А в какой из периодов советской истории экономика не находилась в катастрофическом положении? Откровенный голод, сопровождаемый поеданием древесной коры и трупов, бывал не всегда, только при Ленине и Сталине, но изнурительные очереди за продовольствием, слово «дефицит», ставшее синонимом понятия «качественный товар», — примета всех советских послесталинских десятилетий.

Один из самых оскорбительных, по причине вопиющего несоответствия действительности, фрагментов текста ГКЧП звучал так: «Ещё вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несёт печать пренебрежения либо сочувствия». Первые впечатления эмигрантов 1970–1980-х годов, приземлившись в венском аэропорту, рождали вердикт: «На всю предыдущую жизнь нас обокрали». А что чувствовали те, кому предстояло вернуться?.. Понятно, почему советская власть с такой неохотой выпускала людей в зарубежные страны. При этом в «капстрану» человек мог выехать (если мог), только если он «правильно» вёл себя при поездке в «соцстрану» — не проявлял, например, бурных эмоций по поводу наличия в свободной продаже ветчины в Венгрии. «Правильность» поведения контролировалась постоянным пребыванием туриста

в группе, включающей профессиональных доносчиков. Попытка погулять по городу в одиночку тоже была примером «неправильного» поведения. Но и выезд в «соцстрану» сопровождался сбором немыслимого количества бумаг, политической экзаменовой, профилактической беседы — будущий турист должен был доказать свою лояльность. Вполне мог и не доказать, получив, таким образом, клеймо «невъездного». Чтобы приехавший на Запад «достойный гражданин влиятельного и уважаемого государства» не попросил там политического убежища, здесь в заложниках он оставлял семью — «якоря». Всё это начало отпадать только в годы перестройки, т.е. именно в те годы, по поводу которых сокрушался ГКЧП. Советский путешественник брал с собой консервы и другую не скоропортящуюся пищу, чтобы не тратить на питание скудную валюту, на которую ему поменяли перед поездкой его советские рубли. Некоторые ехали работать. В мемуарах Майи Плисецкой содержатся запоминающиеся описания того, как артисты Большого театра, размещённые принимающей стороной в роскошном отеле, варили посредством «кипятивника» гороховый концентрат в заткнутой раковине и жарили между утюгов собачьи бифштексы. 7 (семь) долларов суточных, выделенных советской родиной, не позволяли полноценно работать на сцене. Весь остальной гонорар родина посредством Госконцерта забирала себе. Западные импресарио, зная размеры гонораров приглашённых советских артистов, но не зная последующей судьбы этих денег, изумлялись дикости гостей, тем более с учётом их высокой профессиональной принадлежности. Комсомольские работники веселили советских школьников рассказами о «дремучести» иностранцев с Запада: дескать, они считают, что по Красной площади в Москве разгуливают медведи. Но если коллеги Плисецкой жарят на утюге собачью котлету, то почему медведям не ходить по Красной площади? Счастливым жизненным билетиком считалось поехать работать в одну из «развивающихся стран, ставших на путь социализма». Заявившую это страну — чью-нибудь бывшую колонию в Африке или Азии — Кремль сразу вносил в список друзей и начинал оказывать практически безвозмездную помощь: направляемые туда советские специалисты строили больницы, электростанции и т.д. Тяжёлый климат, иные риски, но заработанную здесь валюту дома обменяют не на обычные рубли, на «чеки» — сертификаты Внешпосылторга. С ними можно пойти не в обычный магазин, а в единственный в стране советов сетевик «Beriozka». Там продаются товары западного производства, или советского, но предназначенного на экспорт, а, следовательно, иного качества, нежели для внутреннего потребления советским обывателем. Там же продаётся и дефицитное продовольствие, но еду в таких магазинах покупали только пижоны.

«Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем», — клянется ГКЧП. Но таких клятв на памяти у обладателей советского паспорта было уже столько, что никакого доверия они уже не вызывали, вызывали усмешку.

Родным пахло и от фразы из Постановления № 1: «Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село... В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильём».

Справедливости ради отметим, что тексты ГКЧП не содержат коммунистической риторики, их авторам хватило адекватности понять, что этим уж точно никого больше не прельстишь, поэтому — только социальная демагогия, алармистская тональность и державная поступь.

Постановление № 1 ГКЧП СССР было обнародовано в тот же день, 19 августа, оно, в частности, предписывало: «Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки... Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима... Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР».

В Постановлении № 2 (тоже 19 августа) «О выпуске центральных, московских городских и областных газет» был дан перечень того, что нам оставили: «Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: “Труд”, “Рабочая трибуна”, “Известия”, “Правда”, “Красная звезда”, “Советская Россия”, “Московская правда”, “Ленинское знамя”, “Сельская жизнь”». «Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР».

При чтении этого возникало устойчивое ощущение, что у тебя отбирают что-то твоё, очень дорогое и с большим трудом добытое. Не отдам! С этим ощущением ноги несли к Белому дому. И, соответственно, 19-го же появился Указ исполняющего обязанности Президента СССР (Г. Янаева) «О введении чрезвычайного положения в городе Москве». «В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 Конституции СССР постановляю: Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве».

Но это постановление Янаева оказалось прощальным.

В 1968 году молодым болгарским философом Желю Желевым была написана книга «Фашизм». Несмотря на такое название и активно пропагандируемую в СССР и странах соцлагеря антифашистскую тему, книга была всюду запрещена. До крушения коммунистической системы книга находилась под строжайшим запретом. В России она вышла только один раз — в 1991 году, тиражом 20 000 экземпляров. В это время Желю Желев уже был избран первым демократическим Президентом Болгарии (1990–1997 гг).

В начале марта 2011 года благодаря помощи и содействию Чрезвычайного и Полномочного Посла Болгарии в Российской Федерации г-на Пламена Грозданова и переводчика и ассистента Президента г-жи Ларисы Димитровой появилась уникальная возможность побеседовать с Президентом Болгарии г-ном Желю Желевым. Обсудить с ним вопросы, связанные с его книгой. Поговорить о прошлом и настоящем, об актуальности затронутых в книге проблем.

Тем, кто не читал книги, рекомендую её прочесть, а интервью предваряю короткой цитатой из неё: «Между нацистской и коммунистической политическими системами не только нет существенной разницы, но если какая-то разница есть, то она не в пользу коммунизма».

Беседа с Президентом продолжалась долго, поэтому предлагаем вашему вниманию интервью в 8-м и 9-м номерах нашего журнала.

Григорий Амнуэль

Желю Желев

## «Если цели снова будут оправдывать средства, всё опять погибнет»

Помним мы, что движенье направо начинается с левой ноги  
Александр Галич

— **Первый вопрос стандартный: кто такой Желю Желев?**

— Не знаю, пусть другие об этом скажут.

— **Отлично, тогда в двух словах: президент Болгарии в конце XX века, философ, демократ, ну и самое главное — болгарин. Поэтому следующий вопрос такой: Болгария в XX веке разделила судьбу почти всех стран Европы, через её территорию, через её душу прошли две мировые войны...**

— Вы не правы, три, нельзя забывать о «холодной» войне, через которую мы все прошли, последствия и уроки которой не менее значимы.

— **Совершенно справедливо. Что подтолкнуло Вас в конце 1960-х годов заняться подготовкой книги «Тоталитарное государство» (на примере Германии, Италии и Испании), ставшей потом всемирно известной под названием «Фашизм»?**

— В первой половине XX века проявились два мировых движения, сыгравших зловещую роль в истории, — коммунизм и фашизм. Они как будто помогали друг другу, соревнуясь, кто страшнее. Естественно, каждый, кто изучал политику или смежные дисциплины, обращался к этим феноменам. Им было посвящено много книг, в том числе моя. Именно коммунизм и фашизм, хотя в XX веке были и другие движения, затмили собой все остальные. Век ознаменовался окончательным крахом империй: распались Российская, Австро-Венгерская, Османская, Британская, Прусская и, наконец, Советская — СССР. Всё это случилось в результате пробуждения самосознания народов и, как следствие, их борьбы за самоопределение,

за независимость. Появилось и антиколониальное движение, подарившее миру множество новых государств. Это происходило на фоне беспрецедентного развития науки и техники. Вершиной этого процесса стало освоение космоса, позволившее человечеству понять, как хрупка и не защищена наша планета. Теперь мы лучше, чем когда-либо, знаем — мир, в котором живём, очень мал. Соединение и взаимопроникновение физики, химии, биологии, математики, кибернетики, генетики и многих других наук постоянно расширяет наш мир и наше познание.

— **В начале 1990-х годов начинавший свою карьеру тележурналиста Леонид Парфёнов задал Вам вопрос: «Правда ли, что в молодости Вы увлекались марксизмом?» Позволю себе его дополнить и расширить. Правда ли, что, как считают некоторые учёные, если бы не было коммунистической революции, то, возможно, не было бы и фашизма?**

— Да, конечно, это так. Не похожи ли коммунизм и фашизм? Похожи и очень близки, но мы, разумеется, стараемся отдалить одно понятие от другого. О том, насколько это получается, сегодня ещё трудно беспристрастно судить. Эти движения способствовали развитию друг друга. Так было даже в начале Второй мировой войны и продолжалось вплоть до 22 июня 1941 года.

В молодости я увлекался марксизмом. В то время многим казалось, что это очень привлекательная теория. Даже сегодня, имея опыт XX века, находят те, кто продолжает утверждать, что марксизм хорош. При этом нужно понимать, что после окончания Второй



мировой Сталин казался мифической фигурой, благодаря которой мир одолел войну. Учтите, что мы не имели полной информации и должны были довольствоваться пропагандой, поступавшей из СССР. Ведь тогда империализм, который называли англо-американским, обвиняли в том, что он, в силу своей агрессивности, только и думает, как бы развязать новую войну. Недаром империалистов советская пропаганда называла не иначе как поджигателями войны. И только товарищ Сталин спокойно стоял и курил трубку в Кремле, думая о мире. Там планировалось светлое коммунистическое будущее для всей планеты. Потом мы многое поняли. Те, кто имел врожденное чувство справедливости и отвагу, начали выступать против лжи. Только когда Сталин умер, начали писать о его личности, о том, как он шагал по трупам своих соратников, друзей, даже родственников, по трупам миллионов. После XX съезда КПСС, на котором состоялось первое разоблачение террора и преступлений Сталина, направленное, правда, не против идеологии, а только против «культы личности», мы стали убежденными антисталинистами. Когда начались венгерские события, осенью 1956 года, мы были студентами. Я учился на третьем курсе факультета философии Софийского университета. Мы, студенты, направили ультиматум в деканат, в котором потребовали сменить программу обучения. Нам было непонятно, почему мы, будущие философы, должны тратить время на изучение опытов академика Павлова с собаками или трудов селекционера Мичурина. Нам преподавали даже труды антигенетика академика Лысенко, а плюс к этому историю Болгарской коммунистической партии и историю КПСС. Все эти идеологические дисциплины подавали под видом философии, таким своеобразным путём готовя из нас философов. Наш протест заинтересовал не только деканат, но и болгарский КГБ. Начались вызовы, допросы — «органы» пытались выяснить, кто автор ультиматума, кто инициатор протеста. Студенты отвечали, что под ультиматумом стоят подписи

всех, и, значит, отвечают за этот текст — все. Нам говорили, что такого быть не может, но мы твердо стояли на своём. Испуганный декан уговаривал нас не передавать ультиматум ни в министерство, ни в ЦК БКП. Он обещал постараться изменить программу обучения, но, конечно, ничего не изменил — это было не в его силах. Именно тогда мне стало ясно, как велика заслуга Хрущёва, который, будучи простым, малообразованным человеком, понял, видимо, в силу своего врожденного чувства справедливости, что нужно освободить общество от пут сталинизма. В зрелом возрасте он нашёл в себе силы, чтобы расправиться с Берией и другими соратниками и продолжателями дела «великого» Сталина: Кагановичем, Маленковым, Молотовым. Он вёл очень рискованную политическую игру. Когда Хрущёв говорил с Молотовым о том, что необходимо устранить Берию, он серьёзно рисковал. Молотов, как рассказывают, посмотрел на него своими «рыбыими» глазами и спросил: «А что думают остальные товарищи?» И Хрущёв, не испугавшись, тут же соврал: «Они — за!» — «Ну, тогда я тоже согласен», — ответил Молотов. Именно так, такой опасной игрой Хрущёв в течение короткого времени получил согласие всех членов Президиума ЦК на арест Берии. Он действовал скорее по законам банды, мафии, чем по законам правового государства. Подготовив смещение Берии, а потом Молотова, Кагановича, Маленкова, Булганина, Ворошилова и других, осуществив, таким образом, первый шаг к десталинизации общества и страны, он, при всех прочих, совершил гигантский прорыв. Это помогло народам других стран «народной демократии» избавиться от своих приспешников сталинской политики.

Если бы не было XX съезда, то за наш поступок, за наш ультиматум, госбезопасность бы нас всех, а, возможно, и всех наших родных просто уничтожила бы. А так, в изменившейся ситуации, с нами говорил декан, ректор, с нами вынуждены были считаться. Уже нельзя было уничтожить целый курс, не памятуя



о судьбе Берии и его замов, расстрелянных в Москве. Каждый человек в госбезопасности уже задумывался, а чем для него может обернуться то или иное дело, и именно это спасло нас, и многих других тоже. Памятуя о печальном опыте руководителей НКВД и КГБ, они задумывались: если такие люди, в самом СССР, называемые стальным наркомом и стальным карающим мечом, получили по заслугам, то, может быть, стоит быть осторожней в выполнении своего долга «госбезопасности».

Ну, а убеждённым антикоммунистом меня сделали события в Венгрии 1956 года. Когда мы читали наши газеты, то находили там только осуждение венгерской «контрреволюции». Но мы понимали, что это неправда, что в Венгрии разразилась настоящая народная революция. Весь народ поднялся на борьбу с тиранией. Всего за два дня венгры смели всю сталинистскую власть, и только советские танки сломили сопротивление народа. Но, воюя с венгерскими рабочими, со студентами, советские танки уничтожили в нас, и во мне в частности, коммунистические иллюзии. Именно тогда я понял, что марксизм и то, что мы учили, — ложь. Ведь в Кратком курсе ВКП (б) говорилось, что Красная Армия — плоть от плоти рабочих и крестьян, и что коммунистическое воинство никогда не обратит своё оружие против своих братьев по классу.

— **Что толкает простого человека, окружённого природой, искусством, к «измам» (коммунизм, ленинизм, сталинизм, нацизм, гитлеризм, фашизм и проч.)? Ведь все знают судьбу вождей: Гитлера, Ленина, их последователей, все знают, что подобные «измы» осуждены нормальным человечеством, но всё-таки то там, то тут возникают новые персоны, грезящие о мировом господстве. В чём дело? В корысти, во властолюбии, а может быть, в комплексах?**

— Люди сами по себе различны, и эти различия приводят к противоречиям. Различие взглядов перерастает в противоречие и нетерпимость и постепенно развивается в «измы». Происходят столкновения интересов.

Такое всегда было в истории. Возрастает роль вождя. Вожди, с моей точки зрения, безусловно, обычно являются выдающимися личностями, но, увы, часто с отрицательным знаком. Соединение гения и злодейства. Именно таким был Ленин, да и Гитлер тоже. Всегда бывают, а в области политики особенно часто, добрые и злые гении. Когда они сталкиваются, происходит взрыв. С каждым оборотом спирали развития человеческого общества эти взрывы всё страшнее и разрушительнее. Именно такие процессы порождают новых соискателей на роль объекта человеческого проклятья. Власть над людьми слишком сильный наркотик, возможно, самый сильный, и не каждый может от него отказаться и превозмочь в себе тёмные, низкие стороны.

— **Что происходит с простым человеком в тоталитарном государстве?**

— Государство превращает человека в «винтик». Человек должен работать на партию, на государство. Это предлагаемая ему, человеку, высшая цель. Одна партия становится монополистом в государстве путём постепенного уничтожения всех других партий. Неважно, о каких партиях идёт речь: левых, правых, центристских, — должны исчезнуть все, так как конкуренция партий в тоталитарном государстве недопустима. Конечно, бывают исключения и остаются декоративные партии-ширмы, прикрывающие безграничный произвол правящей партии, но они существуют только до того времени, пока у них не проявятся тенденции к самостоятельности, тогда их тоже уничтожат. Исчезает гражданское общество, оно превращается в общество «винтиков», трудящихся на благо системы, которая, разумеется, утверждает ежедневно и ежедневно, что работает на благо «винтиков». В этом отличие тоталитарного государства от демократического. При тоталитаризме вершиной вертикали, её главной целью является власть, государство, партия. В демократическом государстве человек, его свободы являются абсолютной, незыблемой ценностью.

Другой, но не менее важный вопрос, это противостояние коммунизма и фашизма. Из-за того, что

Нюрнбергский процесс был только над фашизмом, многие до сих пор считают, что коммунизм лучше, что он хотел добра, он более человеколюбив. Хотя и фашистские лидеры тоже декларировали великие цели — заботу о народе или нации. Но история доказала, что коммунисты и нацисты для достижения своих целей ни с чем не считаются. Появляются указы Ленина, Сталина, Гитлера, Мао, Пол Пота и многих других, вождей, не останавливающихся на пути к победе ни перед какими жертвами. Появляется ГУЛАГ, Аушвиц... Многие считают, что всё это извращение идеи, но давайте посмотрим внимательней. Идея коммунистического общества — УТОПИЯ. История показывает: попытка достижения утопии неминуемо ведёт к преступлениям. Даже если идея выглядит человеколюбивой, но требует для своего достижения насилия и жертв, она превращается в человеконенавистническую. Цель постепенно исчезает, а средства просто её заменяют. Старая истина: цель оправдывает средства. И у Маркса, и у Ленина речь идёт о необходимости диктатуры пролетариата. Вначале это обосновывается потребностью защиты революции и победы над миром эксплуатации, буржуазией. Но оказывается, что так никогда не получается. За одним рядом уничтоженных всегда появляется следующий ряд. Механизм уничтожения не удаётся остановить. Поэтому, выступая на митингах, я говорю — чтобы опять не оказаться коммунистами, необходимо бороться за демократию только демократическими средствами. Если цели снова будут оправдывать средства, всё опять погибнет.

**— Вы сказали, что Ленин, Сталин, Гитлер были злыми гениями, т. е. плохими людьми, а может ли быть коммунист или фашист хорошим человеком?**

— Конечно, не может. Ведь идея создаёт человека, и даже самого хорошего она обязательно сформирует по своему образу и подобию. В толпе, в колонне человек начинает колебаться вместе с другими. Если нас так много и мы идём в одну сторону под одним знаменем, то, видимо, мы правы? Это как раз то, что изучает социальная психология, — поведение в толпе. Толпа далеко не всегда, а скорее, почти никогда не бывает правой. Система заинтересована в том, чтобы разделить ответственность за свои преступления со всеми членами партии и простыми гражданами. На это направлены её усилия, она вовлекает людей в свои преступления митингами, шествиями, словом и делом. В тоталитарных обществах процесс вовлечения начинали с самого детства — гитлерюгенд или пионерия и комсомол создавали у молодёжи иллюзию непосредственного участия в построении государства, его мощи. Молодёжь убеждали в том, что государственная идеология есть единственно правильное учение. Профсоюзы, творческие союзы, объединения женщин, студентов и т. п. являлись организациями, способствующими опутыванию общества круговой порукой преступной деятельности и преступной ответственности. Постепенно человек запутывается настолько, что уже сам, добровольно продолжает следовать привычным путём, так как опасается разрушения, построенного вокруг него мира. Индивид стирается и превращается

в «винтик», который может существовать только вместе с вождем, с машиной. Когда происходит столкновение мифа с реальной действительностью, наступает прозрение, но для большинства это очень болезненный, мучительный процесс. Тем важнее в обществе роль оппозиционеров, показывающих людям, как на самом деле устроено общество и что в нём необходимо менять.

**— Болгария и Россия всегда называются братскими странами. Из Болгарии в Россию пришла кириллица — наша письменность. Россия вернула Болгарии независимость, освободив её от турецкого ига. Но при этом в двух мировых войнах наши страны находились де-юре по разные стороны баррикад. Почему? Сегодня в Софии у главного Собора, как нигде больше в Европе, на стихийном рынке представлено множество настоящих и поддельных изделий с символикой олимпийских игр 1936 года со свастикой. Особо подчёркиваю, совершенно открыто между Собором Александра Невского и Домом Москвы продаётся такая «сувенирная продукция». Почему это так?**

— Да, болгары и русские исторически близки. Мы связаны славянскими корнями. Болгария, как государство за Дунаем, была создана протоболгарами на Балканском полуострове. В то время протоболгары были меньшинством, так как весь Балканский полуостров населяли славяне. Византийская Империя не обращала на них серьёзного внимания, поскольку считала эти земли своими, но жёсткой государственной власти не устанавливала, и люди жили по своим старым, часто первобытным, устоям. Протоболгары, добываясь господства, вступили в конфликт со славянскими племенами и создали Болгарское государство. Но так как большинство в нём составляли славяне, запретить их язык было невозможно, и славянский язык, преобразованный болгарами, стал истоком общей культуры и словесности. При этом в нём сохранились и чисто болгарские слова. Поэтому, говоря о нашей близости, нельзя говорить о нашей идентичности.

Что касается базара, то, пока не удалось провести процесс, осуждающий коммунизм так же, как был осуждён фашизм в Нюрнберге, бороться на рынке с той или иной «идеологической» продукцией крайне сложно. Нам в Болгарии повезло и нацизм не оставил на нашей территории серьёзных шрамов. Сравнивая два режима, мы не можем с уверенностью сказать, какой из них был хуже и имел для нашей родины более тяжёлые последствия. Нужно не только запретить всякую человеконенавистническую символику, но и сделать так, чтобы она не пользовалась спросом, особенно у новых поколений. Есть неумолимые цифры, показывающие, что коммунизм за время своего существования уничтожил гораздо больше людей, чем фашизм. Опубликованы цифры — смотрите, анализируйте. В известном немецком журнале «Шпигель» в 2007 году был помещён список самых жестоких палачей XX века с примерными цифрами нанесённого ими человечеству вреда. Приведу его для вас: 1-е место Мао Цзедун — 50 миллионов жертв. 2-е место Сталин —



40 миллионов, 3-е место Гитлер — 25 миллионов, 4-е место Чан Кайши — 10 миллионов, 5-е место за Лениным — 4,5 миллиона. Конечно, 5-е место Ленина не совсем справедливо, так как именно он запустил в действие эту машину уничтожения, и, возможно, без его начинания не существовал бы и весь остальной список. Думаю, *если бы* он не умер так быстро, то, без сомнения, по праву возглавил бы этот список. Он заслужил такую «почесть». Маркс и Энгельс были только теоретиками, а Ленин превратил теорию в практику. Поэтому его приоритет трудно оспорить.

— *После распада Российской Империи, не считая нескольких монументов в Ленинграде, в России были снесены практически все памятники царям. Зато в Финляндии и Болгарии в центре столиц как стояли, так и стоят памятники царю-освободителю. Почему в Болгарии не только при монархии и в период Второй мировой войны, но и при Димитрове и Живкове памятники остаются стоять на своём месте?*

— Памятник царю-освободителю венчает победу в последней русско-турецкой войне. Войн было немало, порядка десяти. В них крови болгар пролилось тоже изрядно. Войны велись и на Кавказе, и на Балканах, и на Чёрном море. Болгары всегда понимали, что, хотя они и сами боролись за независимость, но без помощи русского царя и русского солдата вряд ли смогли бы обрести свободу. Это настолько очевидно, что вопрос о сносе памятника не возникал никогда. Другое дело памятник советским воинам-освободителям в центре Софии. По-моему, его нужно убрать. Я против разрушения памятников и как произведений искусства, и как напоминания об исторических событиях. Кстати, я был против сноса мавзолея Димитрова, считая, что после устранения оттуда мумии в нём нужно было создать музей, сохранив его как памятник определённого периода нашей истории. Или, учитывая, что рядом находится министерство обороны, там мог бы быть музей болгарской армии. Но мавзолеем снесли — такова была воля народа, не желавшего иметь в центре столицы напоминание о времени коммунизма. Возвращаясь к памятнику советским воинам в центре Софии, — уверен, его нужно демонтировать и перевезти в Димитровград, где мы создаём парк скульптур времён тоталитаризма. В центре Софии памятнику советскому воину, в отличие от русского воина, не место. Тем более, что за Софию и её освобождение в 1944 году никаких боёв вообще не было и никто не погиб. За исключением тех, кого расстреляли за мародёрство. В Болгарии вообще практически нет советских солдатских захоронений, так как не было боёв.

— *Вы писали свою книгу в социалистической стране, в Народной Республике Болгарии. Простите за запоздалый гипотетический вопрос — если бы Вы писали о тоталитаризме не на примере Германии, Италии и Испании, а на примерах СССР и других стран соцсистемы, то, с точки зрения сбора и получения материалов, Вам было бы проще или сложнее с документами, с фактами, с доказательствами? Если бы это было возможно, легче было бы писать не на эзоповом языке?*

— Изначально книга называлась «Тоталитарное государство». Но когда мои друзья решили её опубликовать, то они поставили условие — сменить название, так как с названием «Тоталитарное государство» книга цензуру не пройдёт. Любой цензор дешифрует мой замысел и увидит в книге скрытый смысл. В рассказе о фашизме и национал-социализме, хотя в книге и нет ни слова о коммунизме, можно было, особенно после 1945 года, увидеть сущность всякого тоталитарного государства. Любой разумный человек сразу понимал зеркальность систем. Они не просто симметричны — в своей сущности они тождественны. Сначала я не соглашался, даже хотел вообще отказаться от идеи публикации, но друзья уговорили, и я им за это благодарен. Они смогли убедить меня, что главное — издать книгу, а название «Фашизм», возможно, позволит обойти рогадки цензуры. Именно поэтому книга вышла под таким названием. Кстати, народ оказался более интеллигентным и всё понимающим, чем я думал. Книгу буквально смели с прилавков, и она сразу и практически навсегда превратилась в библиографическую редкость. Правда, в дальнейшем даже название «Фашизм» не спасало её от проблем с цензурой. До краха соцсистемы книга в основном ходила в самиздате: её переписывали от руки и переснимали на фотоплёнку. В соцстранах она не издавалась до падения коммунистических режимов. Уже в постсоветское время на одной конференции ко мне подошёл человек и показал свой экземпляр — во всех смыслах свой, — переписанный от руки, с пометками и закладками. Я был очень тронут и сказал: «Давайте, я вам его заменю на настоящую книгу — типографскую», но он отказался: «Этот для меня ценней, тут каждое слово мною самим переписано, осознано и выстрадано». У нас говорят: «Такая книга написана кровью», — а это дороже любого самого ценного издания.

— *Как Вы встретили 9 мая 1945 года? Чем был для Вас этот день?*

— Мы тогда жили в деревне. Все радовались, что закончилось время гитлеризма и наступает свобода. Но день за днём, год за годом коммунисты всё сильнее оттирали некоммунистов от власти. В селе прежде всего отстраняли от управления аграрников, а следовательно, наша свобода всё больше и больше ограничивалась. Люди надеялись, что война окончилась навсегда, а с ней уйдут и страдания. В 1944 году через мою деревню прошли войска 3-го Украинского фронта, которые двигались больше месяца в сентябре и в октябре в сторону Греции и Турции. Всё это обсуждалось в деревне, особенно взрослыми. Однако оказалось, что войска на самом деле шли в сторону Югославии. Это стало понятно позже. Мы, крестьяне, всегда надеемся на лучшее. Мы надеялись, что войска несут освобождение. Тогда мы ещё не знали слова «демократия», но в своих мыслях и разговорах подразумевали что-то такое. Война в Болгарии не была очень страшной, но всё равно все радовались. Когда развернулся военный коммунизм и у крестьян стали отбирать скотину, птицу, урожай, не считаясь с тем, что есть семьи, которые нужно кормить, многие начали задумываться

и вспоминать другие времена. После 9 мая имя Сталина в Болгарии всё чаще стали упоминать не с восторгом, а с проклятием. Тайком, но всё чаще. Люди мало что понимали, но чувствовали на своей шкуре, как меняется ситуация. Возможно, после буржуазии именно крестьяне являлись главным пострадавшим классом от проводимой в Болгарии образцовой советской политики. Наши коммунисты повторяли опыт своих советских предшественников. В Болгарии открыли первые лагеря, в которые забирали людей, прежде всего крестьян, отказывающихся отдавать плоды своего труда.

— Скажите, а что, в Болгарии тоже были лагеря?

— Да, конечно.

— А сколько?

— Было от тридцати до сорока лагерей.

— В период войны в Болгарии тоже были лагеря, организованные нацистами?

— Да, были, но их было совсем мало. Их стало больше с приходом коммунистов.

София, март 2011 года

Беседовал Григорий Амнуэль

Окончание следует

Григорий Амнуэль

## Политический театр

Весь мир театр и люди в нём актёры

В. Шекспир

Говорить о популярности театра в нашей стране, наверное, лишний раз не стоит. Любому, хоть чуть-чуть изучавшему историю, памятли роли театра в самых важных событиях — естественно, я говорю о последних ста — ста пятидесяти годах нашей истории. Зарождение МХАТа, поддержка первой русской революции 1905 года Комиссаржевской, Павловой и другими. Театры Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, выплывающие не только на улицы, но даже на Красную площадь — всё это было. Оттепель «Современника» Ефремова и «Таганки» Любимова шестидесятых, наконец, даже «Ленком» восьмидесятых — всё это не только страницы театральной истории, но и важные вехи политической жизни. Прошу прощения, что упоминаю только московские театры. Разумеется, эту роль играли и театры Ленинграда-Питера — Акимова, Товстоногова, Додина, да и множество других, талантливых, выдающихся спектаклей в театрах необъятной страны. Просто, поскольку в нашей стране политика «центрична», то и театральная жизнь во многом «центрична» не всегда качеством, но всегда количеством. Если к этому прибавить, что самый популярный и самый ненавистный вождь страны считал своим долгом, да, видимо, и своим удовольствием регулярно бывать в театре, то становится ясно, что в России театр, так же как и поэт, — больше, чем театр. Простите, дорогие читатели, за это вступление.

Когда-то, когда над всей страной довлела 6-я статья Конституции, для многих единственной отдушиной был именно театр. Напомню, телевидение было тогда далеко не в каждом доме, кино было в основном советское («Зеркало», «Осень» — фильмы низшей категории проката, «Андрей Рублёв», «Агония», «Комиссар», «Проверка на дорогах» пылились на полке под надёжным запретом), книги были большим дефицитом, доступным только избранным. В этой ситуации театр, распахивающий свои двери ежедневно, был одним из немногих мест, где можно было услышать жи-

вое слово, да и поделиться своим с друзьями в фойе. Билеты в театр были на вес золота, достигая цены месячной зарплаты у спекулянтов, но были и входные контрамарки — так что предложение было на любой кошелек, и каждый желающий в театр прорывался. При этом власть к театру относилась снисходительно: конечно, иногда спектакли закрывали, особенно часто Любимова на Таганке, но в принципе чиновники в театр ходили, и театр скорее любили, чем нет. К тому же, как было удобно в дискуссии за рубежом о демократичности советского режима вернуть: а у нас Любимов творит, и там даже Высоцкий играет!

Перестройка всё изменила — Горбачёв, являясь в театр, становился главным действующим лицом. Увидав его и супругу, зрители забывали, зачем они пришли в театр, и лицезрели только венценосную семью. Учитывая, что застойный финал и андроповская «культурная» отправка за рубеж повлияли на качество театра и культуры, театр всё больше и больше превращался в развлечение. Политический театр полностью выплеснулся на площади и в зал Съезда народных депутатов. Вот уж где был настоящий политический театр. А какие актёры — на любой вкус и цвет. Вспомните хотя бы, как Б.Н. Ельцин, положив партбилет, шёл через ряды депутатов — чем не уход короля Лира, возможно, даже посильней было. Не знаю, кто из самых великих актёров смог бы сыграть так эту роль, и уж конечно с эффектным фокусом М. Захарова на телеэкране со сжиганием партбилета это ни в какое сравнение не идёт, у Ельцина был Театр с большой буквы. А вспомните А.Д. Сахарова на трибуне с затыкающим ему рот Горбачёвым и улюлюкающей безликой толпой — самый настоящий Чацкий. Таких сравнений можно привести много, недаром видевшие помнят эти моменты дословно как великую пьесу.

Но время театра недолговечно, как утверждал Станиславский. И вот главный театр стал «не местом для дискуссий», Большой закрылся на ремонт, «Таганка»

раздвоилась, многие, увы, умерли, и только «Ленком» продолжает одаривать своим гламуром. Правда, есть в Питере Театр Европы — Льва Додина, так это театр Европы, а не наш, да и на зарубежных гастролях он чаще, чем у нас. Роль театра в жизни страны приобрела факультативное значение, и это несмотря на множество прекрасных международных театральных фестивалей, от Чеховского и «Золотой маски» до экспериментально-молодёжного ДОКа. Появилось множество премий, прекрасных зданий театров, но театр из жизни медленно ушёл. На большинство спектаклей легко достать билеты, да и в залах всё больше постоянные лица, не считая развлекательных, гламурных произведений и развлекательных же антреприз. Жизнь сама по себе, а театр сам по себе. Даже такой «великий» артист, как Жириновский, поблэк, постарел, пообтёрся, да и роли всё старые, надоевшие, и партнёры, выученные до оскомины со всеми своими ужимками, — скучно. Ну, есть еженедельные «спектакли» Соловьёва, Шевченко, Минаева, но опять же резко ограниченный круг «актёров» и повторяемость их позиций не расцветить никаким криком и оскорблениями с брызганием слюной. Скучно.

Скучно нам, скучно и не чуждому театра руководителю. Нет, я не о министре культуры Авдееве, я о Владиславе Суркове — он в театре знает толк и вкус имеет. Опять же, приближаются новые выборы, время не ждёт, нужно что-то менять и как-то расцветивать сцену. И вот на сцене Большого театра появляется «Золотой петушок» в постановке Владис... извините, перепутал, Кирилла Серебренникова. Публика ломится! Ещё бы — смелые аллегории, роскошные декорации, потрясающие очевидностью параллелей костюмы и отличная игра прекрасных певцов Владимира Маторина и Джеффа Мартина (единственного, у кого русский текст понятен и слышен). Всё это театр — причём театр политический. Правда, в отличие от времён «Таганки», согласованный, с допущенной смелостью, с вынужденным оживлением театральной жизни эпохи пофигизма, гламура и серости. Почувствуйте, поймите разницу.

То же происходит и на политических подмостках: на смену нелюбимому Анатолию Чубайсу, который, несмотря на весь свой талант, постоянно забрасывается «гнилыми помидорами», и одиозному Гозману пришёл

подающий надежды, молодой и амбициозный, но так же оторванный от народа в силу и роста, и состояния Михаил Прохоров. Его размах («даю на постановку 100 миллионов») поражает, но, как известно, купить зрителя можно, а вот заслужить его признание сложнее. То же относится и к Народному «театру» (извините, оговорился — конечно, фронту). Ввод «режиссёра и директора театра» Вячеслава Володина выглядит мерой вынужденной. Увы, пьеса так скучна, что даже ужасом своего возможного конца не увлекает. По крайней мере, местного зрителя. Вот зарубежный в момент выхода спектакля при неизбежных гастролях может и ужаснуться по настоящему. Если поймёт спектакль. Театр Народного ополчения — «режиссёра» Г. Зюганова — боюсь, тоже не поразит нас новизной постановки и зрелищностью сюжета: слишком всё предсказуемо. Перемещение в один из главных «театров» страны «примы» Матвиенко — тоже остроты и эффектности постановке вряд ли придаст. Не разрешение осуществить свою постановку «режиссёрам» Касьянову, Милову, Немцову, Рыжкову в духе ПАРНАСа было предсказуемо задолго. И слишком различны сценические виденья уважаемых господ, и что особенно важно, их творческие методы. Всё больше вспоминается квартет баснописца. Возможно, результат был бы лучше, если бы была знаменитая русская тройка? Или привычный сегодня зрителю дуумвират? Хотя и этот метод управления театром явно наскучил. Низвергнут с вершин подмостков артист и режиссёр Миронов — нет, не глава театра Наций Евгений, другой — Сергей. Хотя, возможно, в новом коллективе, с нерастраченными силами он сможет ещё ярко проявить себя в осеннем сезоне. На этом, на безрадостной картине можно поставить точку или многоточие, и в конце вернуться к театру.

То, что произошло на Таганке, увы, сегодня естественное стечение обстоятельств. Ну не может Юрий Петрович существовать в такой атмосфере, а актёрам слишком обидно видеть, как их коллеги благоденствуют. Ну, кто сегодня готов жить ради творчества? В этом главное достижение нашего политического театра нулевых годов. Это наше наследие главного постановщика страны и его режиссёрской группы. Разумеется это статья не о театре, а о жизни, но в восприятии моих зрительских впечатлений.

*Илья Хандриков*

## К проблемам малого и среднего бизнеса

СТОИТ ЛИ НАЧИНАТЬ?

Теперь, когда закончилась без малого двадцатитрёхлетняя производственная деятельность, начатая в далёком 1988 году, в качестве генерального директора первого в Советском Союзе кооператива по производству профессиональной одежды, хочу рассказать, каково это — быть предпринимателем в России.

Создавая предприятие, мы были уверены в положительных результатах и почти не ошиблись в про-

гнозах. Предприятие добилось высоких результатов, и через семь лет малое предприятие «Формика» получило статус «Лидер российской экономики». Лучшие работники получили даже правительственные награды, и это была оценка нашего труда. Ведь мы на переломе эпох платили абсолютно все гигантские налоги, и при этом развивались, показывая пример другим.

В 1995 году был принят 88 ФЗ — Закон о государственной поддержке малого бизнеса, в котором ограничили численность малых предприятий до 100 человек (московское законодательство позволяло иметь численность на МП до 200). Это были первые удары федерального центра по малому производственному бизнесу. Параллельно власти активно проводили залоговые аукционы, искусственно выращивая «капитанов» бизнеса, передавая им за бюджетные деньги реальную экономику. В результате малое и среднее предпринимательство оказалось как бы вывернуто наизнанку. Этот период жизни страны характеризовался и активным созданием различных бизнес-пирамид, убивающих вокруг всё реально живое. В моду решительно стало входить профессиональное жульничество как средство быстрого обогащения. Попытка противостоять этому через инициативу создания объединения предпринимателей за цивилизованный труд провалилась. Но в 1997 году, после скандального конкурса по экипировке московских дворников, когда конкурс фактически выиграли посредники, разместившие заказы за границей и в «зонах», нам удалось объединить ряд московских производителей. Это была первая независимая от государства ассоциация нашей небольшой, но важной отрасли.

В это время я впервые почувствовал, что предприятие начинает проигрывать в конкурентной борьбе. Пышным цветом на рынке расцвели «откаты». Дошло до того, что по факсу пришло письмо, где откат назывался самой цивилизованной и передовой формой продвижения продукции на рынок! Что можно противопоставить этому абсурду? Как сохранить цивилизованные формы работы на рынке? Мне казалось единственно правильным в этих условиях лично заняться консолидацией участников рынка для создания «прозрачной поляны». Инициатива была поддержана руководством московской Торгово-промышленной палаты и в мае 1999 года у нас появилась отраслевая гильдия. Но не все участники рынка вошли в неё. На моё предложение о вступлении один из руководителей предприятия ответил: «Слушай, дорогой! Думаешь, я не знаю, как тендеры выигрывать? Для этого не надо ни в какие гильдии вступать!» Величина откатов выросла до 10% при средней величине — 2–3%. Неудивительно, что лидером по откатам в этот период и дальнейшие годы была компания, гендиректор которой сегодня заседает в Госдуме. На протяжении многих лет я, в отличие от него, был противником участия компании в государственных тендерах из-за непрозрачной и коррупционной системы.

Тем не менее, за несколько лет удалось общими усилиями сформировать очень интересную площадку для совместной работы. В 2000-м году была создана отраслевая выставка «Телогрейка», впоследствии ставшая международной. Это была уникальная площадка отраслевых проектов, жемчужиной которой стал одноимённый конкурс, который возглавил мэтр российской моды Слава Зайцев. Шесть лет выставка дышала полной грудью, пока один деятель не разрушил её, пытаясь подкупить чиновника из министерства. Эта

история спровоцировала конфликт на рынке среди участников, в результате которого пострадала выставка.

Желание вести цивилизованный бизнес требовало максимального поиска решений, позволяющих развиваться, несмотря на многие неблагоприятные факторы. Одним из таких решений стало партнёрство с ведущими мировыми компаниями, работающими в России. Менталитет менеджеров и законы этих зарубежных компаний, корпоративная этика не позволяли брать взятки за размещение заказов, и это было решением проблемы с откатами. Скандальная история с «Мабетекс» (Швейцарская строительная компания, в 1994–1996 годах проводившая реконструкцию Кремля) косвенно задела и нас. В те времена мы одедали различные подразделения управления делами президента, и вдруг заказы перестали к нам поступать. Попытка выяснить причины отказа от сотрудничества с Кремлём и Белым домом показала наличие «конкурента» из Швейцарии. Видимо, настолько важен был для российских чиновников объём поставок, с которого они получали мзду, что они включили туда и спецодежду. На имя Павла Бородина, руководителя управления делами президента, было отправлено патриотическое письмо с протестом против такой ситуации. После этого поставки частично были восстановлены, но я нажил себе серьёзных врагов, которые пытались несколько лет через мэрию наказать меня за наглость.

Дефолт и его последствия заставили активно заниматься общественно-политической деятельностью. Наша подотрасль в кризис оказалась в большой яме. Доля иностранной спецодежды на тот момент (1998–1999 годы) на российском рынке составляла столь малый процент, что эффект от замещения импорта оказался ничтожным, в отличие от текстильной отрасли. Сложное положение предприятия и понимание причин, кроющихся в бездарном, а порой преступном отношении государства к экономике и производителям, в частности, заставили выходить на дальние рубежи защиты предприятия. Став одним из создателей Круглого стола бизнеса Москвы, я был приглашён в комиссию РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей) по малому бизнесу, комитет по предпринимательству ТПП (Торгово-промышленная палата) РФ. Главным было желание разобраться, что на макроуровне мешает работе на микроуровне, и попытаться это изменить.

С приходом В. Путина на вершину российской власти многие предприниматели связывали свои надежды на положительные изменения в отношениях государства и предпринимательства. До середины 2003 года так и было. Шла реальная борьба с административными барьерами, происходили кадровые изменения в общественных структурах. Я, в числе пяти–семи активных предпринимателей, был приглашён в администрацию президента для создания общероссийской организации малого бизнеса. Пришлось достаточно много трудиться над идеологией, документами организации, много спо-

ритель. Одним словом, это было очень интересно и не менее трудно. Но постепенно всё более отчётливо стали проявляться противоречия в организации. Это произошло после того, как нам «спустили» сверху, из администрации Сергея Борисова, наполнившего своими кадрами ОПОРу (Объединение предпринимательских организаций России), и объяснившего нам, как надо работать. Поскольку ОПОРа строилась администрацией с большой помпой, сняли крутой офис, предполагались большие затраты. Борисов предложил с членов президиума собирать по 2 тысячи у.е. в месяц, а на проекты выделять дополнительные деньги. При этом в обсуждении злободневных предпринимательских проблем постоянно присутствовало влияние кремлёвской администрации. Типа, так мы делать не будем, нам не советуют (не разрешают). Возник абсолютно законный вопрос — кто заказывает музыку, тот пусть и платит! Но чиновники финансовые вопросы решать не хотели, хотя насаждали в организации свои правила. Их задача была консолидировать и подчинить своему влиянию большие массы независимых предпринимателей. И им это удалось! Одним из результатов стало фактическое исчезновение массовых протестных действий предпринимателей почти на 10 лет! Почувствовав силу бюрократической организации, в ОПОРе стали вступать амбициозные руководители бизнес-структур, ещё недавно усиленно заколачивавшие «бабло», но понявшие, что без «крыши» можно потерять заработанное непосильным трудом.

Всё это время производственное предприятие «Формика» работало с серьёзными перебоями. Осень–зима 2004–2005 годов заставила сильно поволноваться. Традиционно к зимнему сезону мы отшивали на склад большое количество изделий. Сезон заканчивался, а с продажами у нас было никак. На попытки разобраться пришлось потратить много времени. Оказывается, весь рынок завален дешёвыми китайскими изделиями, доставленными в страну контрабандным путём без уплаты налогов. Этот устойчивый контрабандный канал через приграничный город Находку был организован представителями ФСБ и курировался на уровне заместителя директора этого ведомства. В результате этих действий из лёгкой промышленности стало в год уходить до ста тысяч человек. Группе энтузиастов удалось организовать массовые акции против этой преступной деятельности. На какое-то время «Формика» стала координационным центром общественного протеста. Через год активного противодействия ситуация с контрабандой изменилась в лучшую сторону. Президенту пришлось принимать крутые кадровые решения. Остановилось резкое падение объёмов в отрасли.

В это время коллеги-предприниматели попросили помочь им защититься от государства, ужесточающего правила работы на потребительском рынке. На волне протестных действий против 102 ФЗ появилось Всероссийское движение «За честный ры-

нок». В то время активно развивалась общественно-политическая деятельность во Всероссийском Гражданском Конгрессе, ставшим прародителем «Другой России».

Деятельность оппозиции серьёзно напугала власти страны, и они начали зачистку демократической площадки, адресно разбираясь с каждым несогласным. Летом 2007 года на предприятие был совершён «наезд» с целью проверки недоплаты налогов. Месяц нас пытались уличить в недобросовестности. К счастью, всё обошлось. Примерно через полгода наезд повторился уже по вопросу использования нелицензионных программных продуктов. Одной из причин наезда послужила статья, опубликованная в СМИ под названием «День оборотня», в которой я, сложив дни рождения МВД, ФСБ, Прокуратуры, вычислил конкретное число «зверя». И меня отблагодарили! На девятнадцатилетие фирмы, 9 декабря 2007 года, структурой ОБЭП у нас было вывезено девятнадцать компьютеров (включая три сервера). Работа фирмы в конце года была парализована на десять дней. Результат — большие убытки. Вряд ли это можно считать лишь совпадением. Таких наездов было немало. Например, очень яркая история, случившаяся в ноябре 2009 года, накануне пожара в «Хромой лошади». Плановая проверка правил пожарной безопасности на предприятии выявила ряд нарушений. Был составлен протокол, за которым мне поступило предложение исправить нарушения силами предлагаемой инспектором пожарнадзора фирмы. Результатом отказа от услуг «своей» фирмы стало судебное решение о закрытии предприятия на месяц. Сговорчивые предприниматели в таких случаях обходятся лёгким испугом, а славные представители МЧС получают откат от «своей» фирмы.

Глобальный экономический кризис, к которому государственные и олигархические структуры неплохо подготовились, накачав себя льготными кредитными ресурсами, нанёс сокрушительный удар по независимому производственному малому и среднему бизнесу. В условиях падения объёмов и, как следствие, сокращения заказов в несколько раз стала расти задолженность перед бюджетом, сотрудниками, поставщиками. В большинстве стран мира государство брало на себя либо обязательства перед массово увольняемыми сотрудниками предприятий, либо поддержку самих предприятий. У нас совести правительства хватило только на список из трёхсот крупных предприятий. При этом от кредитования реального сектора закрылись все банки, а структуры поддержки малого бизнеса перешли на строгий режим самосохранения. В этих непростых условиях вскрылось то, из-за чего погибло очень много предприятий в стране. Оказывается, наличие 64 ст. в Налоговом Кодексе по предоставлению налоговой отсрочки не означает возможности её предоставления. Минэкономики не наполнило эту статью механизмами реализации. Налоговики под любыми поводами отказывают пострадавшим предпринимателям в помощи, и поэтому в кризис погибли сотни компаний. Отсутствие необходимого

предпринимателям инструмента оказалось на руку налоговикам — многие просто вынуждены были от них откупаться, давая огромные взятки.

В связи с историей с налоговиками хочется обратить внимание на одну особенность. Блокировка счёта на три месяца и неполучение вовремя и в полном объёме зарплаты вынуждает сотрудников предприятия уволиться. Расчёт с ними вовремя по понятным причинам невозможен. В прокуратуру поступает жалоба, и тут начинается уничтожение предприятия. Молодой следователь Павловский назвал меня рабовладельцем и пояснил, что после истории с Пикалёво их ведомству приказано калёным железом выжигать случаи задержки зарплаты. При этом ситуация, при которой именно органы государства блокируют выплату зарплаты, прокуратурой, естественно, во внимание не принимаются.

Государственный аппарат, заставляющий несколько месяцев впустую собирать и носить в налоговые структуры всякие бумажки, в условиях заблокированного счёта компании, т. е. фактически оста-

новленного предприятия, нанёс сокрушительный удар некогда успешному бизнесу. Наверное, история однозначно закончилась бы банкротством, если бы не доброе имя, заработанное почти за 23 года. Огромная благодарность нашим партнёрам, поставщикам, покупателям, поддержавшим нас в трудное время. Поняв глубину ситуации, мы не стали обманывать наших партнёров и начали активный поиск покупателя-инвестора, с которым через несколько месяцев состоялась сделка, позволившая сохранить профессиональный коллектив, наработки, доброе имя компании. Уверен, с «Формикой» всё будет хорошо.

Буду ли я когда-нибудь заниматься бизнесом? Не знаю. К сожалению, в России это дело неблагодарное. Государство делает всё возможное, чтобы частная инициатива не развивалась. А что говорить про цивилизованный бизнес? Видимо, он в России пока никому не нужен. Предпринимателям надо подумать, стоит ли в этой стране вести свой бизнес. А начинающим — стоит ли начинать.

*Александр Черницкий*

## «Как Белковский и Кончаловский бьются за модернизацию»

ЗАМЕТКИ С КРУГЛОГО СТОЛА

*В здании РСПП (Российского Союза писателей) на Котельнической набережной Москвы подъезд один — большой, дубовый, с портиком, и никак не миновать его всякому входящему. Здесь-то и располагают камеры коллеги с ТВ, игнорируя хмурые взоры телохранителей Олега Дерипаски и любопытствующие взгляды поклонников Валентина Юдашкина. Эксперты, спешащие на круглый стол члена правления РСПП Виктора Бирюкова, неизбежно становятся жертвой объективов и с разной ловкостью уворачиваются от не менее хищных микрофонов.*

**В** результате сбор на 9-ю бирюковскую дискуссию о модернизации затягивается, и опоздание главного докладчика — политолога Станислава Белковского — кажется весьма мудрым шагом. Но Белковского «перемудривает» его основной оппонент, кинорежиссёр Андрей Кончаловский, прибывающий аккуратно тогда, когда доклад «Модернизация, демократия и национализм» уже завершается. Если продолжать в том же духе, то наимудрейшим становится сам организатор: «собственному» круглому столу г-н Бирюков предпочитает встречу с Владимиром Путиным на форуме в Мордовии [1].

С привычным сарказмом Белковский начинает с ответа на вопрос, что такое модернизация. В трактовке Кремля — «некий расширенный вариант инноватизации, то есть предоставление большому количеству россиян айпэдов, айфонов, внедрение операционных систем нового поколения, тотальная компьютеризация сельских школ». Увы, «если в сельской школе нет учителей и протекает, течёт потолок интенсивно, то вряд ли компьютеризация решит проблемы этой школы».

Иначе понимают модернизацию её «теоретики», работающие на Кремль. Для них она представляет собой бесконечную гонку «за развитыми странами по ряду экономических и технологических параметров». Однако в нынешнем однополярном мире отставание может лишь нарастать, поскольку Запад не заинтересован в том, чтобы делиться новейшими технологиями: России неизбежно будут доставаться их морально устаревшие образцы.

На самом-то деле «модернизация — это построение общества модерна», то есть современного общества. Причём «в данной конкретной стране и в данных исторических условиях». Впервые такой тип общества сформировался в Западной Европе в XVIII–XIX веках. Каков же его «портрет»?

«В домодерновом обществе человек как социальная личность воспроизводится кустарным образом в семье, в некоей социальной корпорации, замкнутой или отграниченной от остальных семей и социальных корпораций, — делится обобщениями докладчик. — В обществе модерна человек с детства попадает в большую систему социализации: дошкольного образова-

ния, школьного, высшего образования, проходит армию, становится участником системы соцобеспечения, которая также носит массовый характер. И все эти системы унифицированы. Невозможна ситуация, при которой в одной школе учат, что Советский Союз по итогам Великой Отечественной войны освободил Восточную Европу, а в другой, — что «кровавый режим» установил там диктатуру».

Поэтому и образование в обществе модерна, и всё такое общество в целом непременно идеологизированы; призывы же к деидеологизации по сути антимодернизационны.

### *Нация в стадии придумывания*

Препятствует модернизации и наличие массы не связанных между собой языковых сообществ: интеграция людей обществом модерна требует, чтобы они свободно владели единым языком, который используется и почти всеми СМИ. Несколько отличаясь друг от друга, их идеологические «месседжи» СМИ в любом случае собираются «вокруг неких базовых ценностей, важнейшей из которых является существование данного типа общества и данного государства».

Транснациональный, интегрирующий характер носят те же автотрассы: если в России 1/3 сельских населённых пунктов не связаны дорогами с твёрдым покрытием ни с райцентрами, ни между собой, то это — ещё один барьер перед модернизацией [2].

Наконец, важнейшим условием построения модерна является... демократия. В традиционном обществе, по мнению г-на Белковского, «источником власти чаще всего является Господь Бог, и так устроена власть в империи: власть императора, короля и так далее — от Бога». Отсюда вытекает и неподотчётность власти обществу, и сословное неравенство в зависимости от степени приближенности к власти.

«Власть в современном обществе исходит от нации, — утверждает политолог. — Это само по себе диктует необходимость создания этой нации, политического и социального равенства людей, которые её составляют. В обществе модерна исчезает сословное деление, оно остаётся в прошлом: все граждане равны. В противном случае они не могут сформировать ту самую нацию, которая является источником власти. Соответственно, именно в обществе модерна рождается национализм как совокупность теорий, образующих нацию. Домодерновое общество нации в чистом виде не знает».

Таким образом, «модернизаторы» — ну, просто обязаны быть националистами. Им предстоит сцентировать разрозненные группы людей: «сначала появляются националисты, они придумывают нации, и затем эти нации возникают в истории». В подобной трактовке нация не тождественна этносу, а представляет собой совокупность всех или части этносов территории, на которой возникает национальное государство. Нет больше никакой «общей» ДНК, но есть ощущение равенства, есть чувство принадлежности к социально и культурно однородному сообществу. В обществе модерна русским может быть человек,



не имеющий в жилах ни капли русской и даже славянской крови: «русская нация сейчас находится в стадии придумывания».

«Переход от имперского к национальному, переход от трансцендентной власти с неземным источником легитимности к имманентной власти с источником легитимности земным и означает переход к демократии, — умозаключает Станислав Белковский. — Возникновение нации неизбежно требует того, чтобы эта нация, будучи источником власти, сама и формировала эту власть в рамках демократических процедур. Поэтому модернизация, демократия и национализм, которые вынесены в заголовок моего выступления, представляют собой целостную совокупную диалектическую триаду, в которой каждый из членов неотделим от двух других».

### *Можно обойтись без пенсий?*

Вывод: модернизация «возможна исключительно на путях национализма», то есть строительства национального государства. Оно предполагает «ментально-культурную унификацию национального пространства», за пределами которого должны остаться «этносы, которые так или иначе не хотят унификации». «Распад империи должен быть завершён», поскольку «некоторые части современной России не будут модернизироваться вместе с Россией ни при каких обстоятельствах».

«Скорее всего, мусульманские регионы Северного Кавказа должны рано или поздно абсолютно добровольно покинуть состав Российской Федерации, к чему некоторые из них прежде и стремились», — заключает Белковский. Безусловно, это больно ударит по русской душе, которая «всегда хочет рваться куда-то вовне и не хочет сокращаться внутрь». Однако такой сценарий может осуществиться только в случае модернизации, а вот состоится ли она — большой вопрос.

Если верить докладчику, 1 000 экспертов во главе с профессорами Владимиром Мау (ближайшим сподвижником Е. Гайдара) и Ярославом Кузьминовым (мужем министра экономического развития Э. Набиуллиной) корпят сегодня над стратегией социально-экономического развития России до 2020 года. Анализ опубликованных фрагментов этой «Стратегии 2020»

убеждает г-на Белковского в том, что разрабатываются не модернизационные, а... демодернизационные мероприятия, — «отказ от общества модерна во всех его проявлениях, включая отказ от массовой армии, которая тоже важный элемент общества модерна».

Иллюстрация ухода от модерна: кандидат экономических наук Кузьминов якобы отвергает необходимость транснационального дорожного строительства по причине его дороговизны и воровства, предлагая ограничиться строительством региональных дорог. Это, мол, позволит обзаводиться дешёвым жильём в 30–40 км от областных центров и ездить туда на работу.

Другой пример: устами Владимира Мау «предлагается переход к частной пенсионной системе вместо государственной». Первый вариант: рожать побольше детей, чтобы они потом содержали родителей; попутно решая демографическую проблему. Остаётся предположить, что доктор экономических наук Мау заимствовал сей выкрутас у «Туркменбаши» Ниязова, который под занавес своего самодурства отменил таки пенсии: дескать, стариков должны содержать их дети, а не государство [3]. А вот и второй перл: г-н Мау предлагает каждому обзаводиться к старости двумя квартирами, чтобы в одной жить, а другую — сдавать.

«Конечно, государственная пенсионная система будет ещё какое-то время существовать, потому что пенсионеров невозможно расстрелять, для этого не хватает ресурса силовой машины, — зубоскалит Белковский. — Можно с уверенностью говорить, что действующая российская власть ведёт страну именно путем демодернизации. И сам термин “модернизация” используется с чисто демагогическими целями, чтобы подчеркнуть, чем президент Дмитрий Медведев отличается от своего предшественника Владимира Путина».

### *Когда профессор в ребра тычет*

На взгляд автора этих строк, мастер политологического кулбита Белковский подводит к тому, что государство Российское вновь должен возглавить ВВП. Почему? А вот: имитируя подготовку модернизации, ДАМ в реальности скрывает в тени демодернизацию. При нём она «будет продолжаться не потому, что кто-то чего-то не хочет делать, а как раз потому, что все хотят заниматься демодернизацией». На этой высокой ноте конференц-зал РСПП взрывается репликами.

«Круглые столы вертеть — это сложно, — признается позже модератор дискуссии и главный редактор РИА «Новый регион» Юлия Шатова. — Носители идей модернизации, как оказалось, в массе своей люди крикливые и недисциплинированные... Трое таких сидели у меня за спиной и тыкали меня пальцами (!) под ребра, требуя слова. Я сначала очень стеснялась — собравшиеся мэтры старше меня, уважаемые люди... Но после третьего тычка слегка озверела» [4].

Отвечая на вопросы «уважаемых людей», докладчик обрисовывает «лепоту», ожидающую россиян в 2012–2018 годах. Благодаря высоким ценам на нефть



и росту спроса на российский газ (из-за кризиса атомной энергетики), этот период чрезвычайно удобен для проведения непопулярных реформ, «которые находятся полностью в русле демодернизации». В том же русле — и реанимация партии «Правое дело». Если она пройдёт в Госдуму, то сможет вступить в коалицию с «Единой Россией», выдвинет Дмитрия Медведева в президенты, а потом включит в правительство «наиболее ярких своих представителей», и прежде всего Михаила Прохорова.

«И это по-своему хорошо, потому что Михаил Дмитриевич Прохоров и подобные ему люди, в отличие от Владимира Владимировича Путина, совершенно не боятся сказать народу всё, что они о нем думают, что они собираются с ним сделать», — замечает Белковский, вновь тонко играя на стороне ВВП, а заодно вбрасывая камешек в огород «Единой России».

Тут-то она и стартует, схватка титанов отечественного мудромыслия: в битком набитый зал РСПП ступает нога г-на Михалкова-Кончаловского. Он сходу интересуется, отчего «в странах Прибалтики модернизация идет полным ходом, а у нас всё тормозится?» Ничего не стоит разбить это утверждение в пух и прах, но г-н Белковский упускает возможность заработать очко. К примеру, инициатор круглого стола В. С. Бирюков так описывает «модернизацию» республик Балтии: «Созданное там в советские годы народное хозяйство “закончилось”. В Латвии на месте электротехнического гиганта ВЭФ высится торговый комплекс, Эстония больше почти не производит бумагу, в Литве разрезаны на металлолом траулеры» [5].

Об этом высокому собранию напоминает экс-депутат Госдумы Дарья Митина: «Нынешняя Прибалтика — это чистый, дистиллированный пример демодернизации... Европейская задница, выселки Европы, из Литвы выехало 1,5 миллиона населения, осталось из 4,5 миллиона меньше 3 миллионов».

С интернационалисткой Митиной неожиданно солидаризируется националист Пётр Милосердов, депутат муниципального собрания одного из районов Москвы: «Национальное государство само по себе не гарантирует модернизации... Литва — это государство, которое не производило модернизации».



### Кущёвская по всей стране

Стреножив силы противника на левом фланге, Кончаловский тут же заходит с фланга правого, предполагая, что все попытки модернизации «за последние три века в России обламывались просто потому, что не происходит... модернизации русско-го менталитета».

«Если мы возьмем 98% населения во времена Петра или сейчас, их система ценностей осталась точно та же, — уверяет маэстро с присущей ему горячностью. — Никакая модернизация Петра не изменила русской ментальности. Он, как говорил Гершензон, накрыл Россию тонким плащом цивилизации, осталась внизу огромная, дремучая, гигантская, непронумывшаяся масса, которая до сих пор дремлет».

Кончаловский убеждён, что для успеха модернизации необходимо «подправить» душу народную, и ничего невозможного в этом нет. Вот только создадим за три поколения «социально ответственных людей», из них сложится пресловутое гражданское общество, «а без гражданского общества, какая может быть модернизация»? В противном случае, мы имеем то, что имеем: «Кущёвская по всей стране». В такой ситуации «говорить о том, что возможна модернизация, — это говорить о том, что нужно постричь больного, когда его нужно лечить».

Удивительное дело, но за гражданское общество ратует и Елена Денежкина — представительница движения «Русские». Она требует «создавать параллельные существующей правящей системе структуры гражданского общества, которые будут приводить нацию к конкурентоспособному состоянию». Тот факт, что русский характер тяготеет к совершенно иному типу общества — солидарному — нисколько не смущает бойкую активистку. Вероятно, в сочетании «гражданское общество» для неё важен не смысл, но звучание — словно в мантрах буддистов.

Тем временем Белковский держит удар, предлагая не преувеличивать роли менталитета, дабы не превращаться в его рабов. Да и вообще нельзя сказать, что «у русских менталитет неправильный» или что «русский народ не готов к модернизации». Оказывается, «ни один народ в истории никогда не был готов к модернизации просто потому, что он о ней ничего не знал».

«Модернизационные идеи, как и любые прогрессивные, передовые идеи, формируются в элитных кругах, среди определенных людей, число которых обычно не превосходит 2–3% населения, — вслед за своим оппонентом докладчик призывает на подмогу статистику. — И потом эта элита навязывает свои идеи стране, если считает нужным».

В общем, по Белковскому, «Россия готова к модернизации» даже с имеющейся ментальностью — опять-таки, за исключением жителей некоторых республик Северного Кавказа. Незавершённость прежних модернизаций — имперской и советской — отнюдь не повод отказаться от третьей попытки; законсервировать же существующую отсталость будет худшим из двух зол, полагает докладчик.

К сожалению, критической массы застрельщиков модернизации в 2–3% населения пока нет, и «если они не появятся, никакой модернизации не будет». Но и нужно-то 140-миллионной России каких-нибудь 2,8 миллиона человек, и первой Белковский предлагает в «модернизаторы» свою кандидатуру: «С сегодняшнего дня будем собирать 2 799 999 человек, и вот как только соберем, сразу приступим к модернизации».

### Стеклянный куб на Красной площади

Политолог Андрей Окара поддерживает Белковского в том, что к модернизации можно приступать хоть завтра, и едко проходит по творчеству знаменитого режиссера: «Является ли ментальность препятствием для развития? Не является. То есть, она, может быть, и является, но для героев фильма о курочке Рябе. А главным препятствием развития России является российская политическая система».

Тут к Андрею Кончаловскому подспекает подкрепление в лице профессора «вышки» Леонида Полякова. Он обращает внимание докладчика на то, что русские модернизации — две провалившиеся и одну грядущую — нельзя рассматривать в качестве звеньев одной цепи или эстафеты, «возврата на ту же точку». Каждая из них начиналась в своей особой, отличной от других ситуации: «В первом случае ещё можно согласиться, что Пётр ориентировался на модернизацию как на национализм и демократию. Но что большевики ни в коем случае не ориентировались на национализм и демократию — это 100%».

Г-н Белковский в очередной раз упускает шанс выиграть очко, когда не упоминает строительства единой полиэтнической советской нации, которую четверть века назад пылко провозгласили состоявшейся: «На основе сближения всех классов и социальных слоёв, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ» [6].

Зато об этом рассуждает ветеран социал-демократии Павел Кудюкин: «С одной стороны, действительно, пытались построить некую советскую нацию, а, с другой стороны, — формировали те самые национальные элиты, которые родили свои национализмы и родили, в конце концов, псевдонациональные государства на территории бывшего Советского Союза».

Отбиваясь от наседающего противника, докладчик признаёт, что «все предыдущие модернизации, не только в России, начинались на фундаменте традиционного общества, то есть в условиях архаики с её многочисленными позитивными сторонами, в первую очередь, с семейными ценностями, устойчивостью определённых локальных социальных структур и ячеек общества, низкими уровнем потребления и потребительскими запросами».

Нынче же модернизацию предстоит запускать «на фундаменте общества постмодерна, в котором архаичные традиционные связи разрушены, традиционного общества нет, уровень потребительских запросов весьма высок, а культура накопления и культура тру-

да, наоборот, крайне низкие». Очевидно, что на другом фундаменте и модернизацию придётся проводить как-то по-другому.

Этого-то и ждет Л. В. Поляков, который восклицает: «А в чем тогда виновата власть? Она не виновна в том, в чём вы обвиняете!.. Мау думает как раз о том, о чём вы сказали: как в постиндустриальном обществе найти стимулы, чтобы всё-таки модернизировать...»

«А власть я вообще ни в чем не упрекаю, потому что я считаю, что интересы правящей элиты эта власть вполне отражает, то есть она делает то, что и должна делать, — парирует Белковский и принимается мечтать: — Если профессора Мау посадить в стеклянный куб на Красной площади и из Сколково читать его мысли, это было бы первым колоссальным успехом нового витка российской модернизации... Но из того, что написано всеми уважаемыми коллегами-теоретиками, вытекает, что они не собираются проводить модернизацию на постиндустриальном фундаменте».

### *Социолог ликвидирует коррупцию*

Сей же миг на докладчика обрушивается политтехнолог и бизнесмен Александр Сегал: «Вы просто переименовали буржуазные государства в модерн и начинаете рассказывать общеизвестные вещи из учебника истории. Вы просто убрали экономическую составляющую, ввели модерн, национализм и демократию — и всё». Развивая эту мысль, г-н Сегал выражает сомнения в необходимости строительства буржуазного государства в России, поскольку глобальный кризис показал, что «товарное общество пришло к пределу своего существования».

К атаке на возможные методологические просчёты Белковского охотно подключается «красный адвокат» Дмитрий Аграновский, противопоставляющий модернизацию развитию: «Что необходимо, чтобы Россия перешла именно к развитию? Мне лично модернизация не нужна».

Данную парадоксальную мысль поясняет доктор философских наук Поляков: «Развитие — это альтернатива модернизации как вестернизации. Это развитие на собственной основе». Дескать, таким вот макаром развивались в 1960-е годы страны Латинской Америки. Правда, углубляться в детали того, как стремительно подобное развитие приводило к военным хунтам и консервировало нищету, эксперт Поляков не стал.

Более удачный пример «успешных модернизаций не по западному варианту, а учитывая национальные традиции, национальную культуру», приводит профессор Андрей Возьмитель: «это Япония, это Китай, это Гонконг, это Сингапур, это Южная Корея и так далее».

«С чего они начинали? — продолжает доктор социологических наук Возьмитель. — Первое, что они сделали, они ликвидировали коррупцию... Надо говорить о ликвидации коррупции и ставить такую задачу. В три-четыре года. Это вполне реально, я абсолютно в этом убеждён и знаю, как это сделать!»

Столь емкая заявка вызывает в зале хохот, а на мощь докладчику бросается его соратник по Институ-

ту национальной стратегии Виктор Милитарёв. Убеждая присутствующих в собственной объективности, он делает политкорректную оговорку «если верна схема Белковского», после чего заявляет, что «сочетание национал-демократии с реиндустриализацией есть единственный шанс нашей страны». Однако этим шансом можно воспользоваться, если в России найдутся «предприниматели высокого уровня, которые могут соединить идеалы национализма, демократии и практический идеал восстановления внутреннего рынка и обрабатывающей промышленности».

Хотя дебаты вокруг доклада Белковского разгораются нешуточные, никто не догадывается, что вот-вот разразится скандал. Слово берет политолог Евгений Минченко. Вернувшись к тезису докладчика о неготовности к модернизации традиционных мусульманских обществ, он предупреждает: «Риск регионального сепаратизма русскоязычных регионов в какой-то степени даже выше, чем риск национальных республик. То, что сейчас происходит на Дальнем Востоке, в Сибири, гораздо опаснее, чем то, что происходит в Дагестане».

Да что там Сибирь! Во многих регионах в открытую идут перманентные акции «Покупай пермское!», «Покупай марийское!», «Покупай ростовское!» и т.д. Городской портал Костромы прямо вопиет: «Покупай костромское! Не вкладывай деньги в соседние области!» [7].

### *А вы, батенька, расист...*

В качестве лекарства г-н Минченко предлагает противопоставить центробежному сепаратистскому тренду центростремительный интеграционный, позиционируя русскую культуру в качестве «несущей конструкции российского государства». И призывает бороться «за человеческие ресурсы постсоветских стран», для чего чиновникам следует изменить «брежнево-снисходительную позицию к нашим бывшим соотечественникам, которые волею судеб оказались в наших бывших республиках».

Эта здравая мысль заставляет кинуться в бой за чистоту русской крови активиста «Русского общественного движения» Владимира Тора. Он подозревает Е. Н. Минченко в намерении причислить к соотечественникам — о ужас! — таджиков: «Мы говорим о таджиках или о русских Северного Казахстана? Согласитесь, это принципиально разные вещи».

Г-н Минченко пытается объяснить, что если некто «готов признать себя человеком русской культуры», то его вполне можно принять в ряды «русских как гражданской нации». По-видимому, именно такой подход подразумевает Белковский, когда говорит о строительстве русского национального государства.

Однако г-н Тор усматривает здесь кощунство. Подобно тому, как СССР не «сплотил навеки» узбеков и латышей, сейчас тоже «нет такого конструкта, который вместит в себя одновременно тувинца, ингуша, чечена, «кабардино-балкарца» и русского». Поэтому Тор — противник создания «россиянской» нации из разных этносов — возбуждается пуще прежнего и принимается обрывать именитого политолога на полуслове.

Минченко не выдерживает: «Я вот на вас смотрю, вы мне славянина не напоминаете». — «Потому что вы расист», — не лезет за словом в карман похожий на испанца Тор. И пошло-поехало! Поскольку в реальности Минченко как раз-таки критикует расизм, дуэль «глухого со слепым» грозит затянуться. «Предлагаю физиономии друг друга не обжудать!» — вопиет ведущая Шатова, и ей на выручку бросается сам докладчик.

«Рост новых национализмов — сибирского, дальневосточного и прочих, — связан именно с отсутствием концепции национального государства и единой концепции русского национализма, — Белковский переводит диспут в конструктивное русло. — И поэтому единственной альтернативой единому русскому национальному государству являются несколько национальных государств, которые могут быть со временем сформированы на базе этих новых возникающих национализмов».

Устав от подобных абстракций, журналист Максим Брусиловский перескакивает на поле своего единомышленника Тора и рассказывает, насколько может быть полезен «кровный» национализм на практике: «Условно говоря, вопрос транспортной инфраструктуры в Москве можно решать, например, изгнанием знаменитых наших “шахид-такси”... Ни с каких других, скажем, либеральных или социал-демократических позиций это невозможно».

Уводя общее внимание от деликатной темы, футуролог Юрий Шушкевич возвращается к обсуждению элиты, которая понимает под модернизацией «исключительно достижение западного уровня потребления» и «уже его имеет». Остаётся добиться «безвизового въезда в Европу, где находятся недвижимость и счета», после чего «можно будет считать, что для нашей элиты модернизация завершена».

### *Чёрная дыра над круглым столом*

Профессор Алексей Подберёзкин соглашается, что правящая элита действительно не замотивирована на модернизацию, поскольку «деньги зарабатываются «здесь», а тратятся «там». Но у страны всё-таки имеется модернизационный ресурс — это «тонкий слой» серьёзных предпринимателей, которые хотят и зарабатывать в России и тратить в России. Проблема в том, что эти люди, со многими из которых доктор исторических наук Подберёзкин знаком, не входят в правящую элиту.

В итоге под сурдинку разговоров об инноватизации за последние десять лет количество внедрённых технологий не возросло, а сократилось с 700 до 650! Не радует даже то, что ВВП России почти сравнялся с ВВП РСФСР 1990-го года, поскольку в нынешнем ВВП преобладает сырьё, а продукция обрабатывающей промышленности едва дотягивает до 20% к уровню 20-летней давности.

Мозговой штурм за круглым столом в РСПП достигает апогея: кажется, будто ноосфера в переполненном зале уплотняется до состояния чёрной дыры. И тут в бой вступает тяжёлая артиллерия. Для начала профессор Алексей Малашенко из Центра Карнеги

даёт отповедь маститому режиссёру, взывающему к модернизации российской ментальности. Как-никак, менталитет потихоньку меняется, например, вследствие урбанизации: душа крестьянина сильно отличается от души горожанина.

Далее доктор исторических наук Малашенко сетует на негативную роль православной церкви: «Оттуда никакой модернизации для менталитета не идёт, а совсем наоборот, особенно если мы послушаем Всеволода Чаплина». И самое главное: г-н Малашенко предупреждает, что модернизация стоит денег и непонятно, кто готов за неё платить. Если и найдутся 2–3% «модернизаторов» от численности населения России, которых, согласно Белковскому, достаточно для запуска модернизации, платить никто из них не пожелает. Между тем, ждать некогда: и царская Россия, и СССР располагали временем на модернизацию, «а у современной России этого времени нет». Альтернативой же модернизации является «невыживание».

«Советский Союз как раз показал, чем кончается отсутствие модернизации, мы это только что видели, — напоминает г-н Малашенко и предрекает новый распад страны: — Вот еще двадцать лет пройдёт, мы потом соберёмся и выясним, что уже ничего нет».

В памяти всплывает директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, которой отвергает возможность реинтеграции постсоветского пространства на том основании, что «за любую империю нужно платить», а «у России нет желания платить ни за кого» [8]. Сие абсолютно верно — с точки зрения общества потребления с его повальным «осмечиванием» всего и вся. Но помимо безудержного потребительства, существуют иные ценности, которых предпочитают не замечать «карнегианские» политологи. Да и само общество потребления не вечно, о чем говорит выше А.П. Сегал.

Точку зрения А.В. Малашенко «зарубает» сам докладчик: «Те люди будут осуществлять модернизацию, которые готовы за неё платить». Не соглашается г-н Белковский и с тем, будто РПЦ мешает осовремениванию души русской: «Влияние этой уважаемой общественной организации на сегодняшний день на социальные процессы в обществе и на облик нашего общества равно нулю».

Подводя черту, Станислав Белковский пеняет своему главному оппоненту Кончаловскому: «Андрей Сергеевич хотя ничего и не понял из того, что я рассказывал, зато транслировал мысль о том, что элиты не отвечают за состояние вверенных их попечению территорий, поскольку за это отвечает народ... С народом можно было бы что-то сделать, но сделать ничего невозможно в силу его полной инертности, неспособности меняться. Эту точку зрения я считаю неправильной, потому что ответственность должна ложиться на людей власти... Безответственность сегодняшних элит и кажется мне важнейшей проблемой развития страны».

Странно, но ни один участник жарких прений в РСПП не догадывается спросить докладчика: а не станет ли отделение от России части Северного Кавказа новой бессмысленной жертвой на пути к мо-

дерну? Что, если потом кому-то покажутся «лишними», немодернизируемыми Якутия или Марий Эл? Устремляясь двадцать лет назад к процветанию, Россия оттолкнула от себя союзные республики, но модернизироваться не удалось ни ей, ни им. Не повторится ли провал на новом историческом витке? Может, пора задуматься о переходе от хлипкого федеративного устройства к унитаризму?

Сам г-н Белковский лишь вскользь касается этой темы: «Важнейшей проблемой Советского Союза была невозможность построения национального государства, то есть невозможность перехода к национализму». П. М. Кудюкин и вовсе приговаривает: «русские отличаются очень слабым этническим самосознанием в силу своего имперского прошлого».

Однако дальше констатаций дело не идёт — не хватает времени. Аншлаг таков, что многие эксперты круглого стола независимо от своих идеологических предпочтений попросту не успевают раскрыть рта (например, народный артист России и кинорежиссёр Николай Досталь, театральный режиссёр Константин Богомолов) либо ограничиваются репликами (например, депутат Госдумы и доктор политических наук Сергей Обухов, доктор философских наук Аноп Назаретян). Впрочем, по правилам Виктора Бирюкова, если гость не отметился выступлением, его приглашают на следующий круглый стол [9].

Наконец участники «модернизационной» батали вываливают из здания РСПП и видят, как с кремлёвских башен добро щурятся рубиновые звёзды. Невольно вспоминается пассаж Станислава Белковского о том, что «в смысле модерна советское общество продвинулось далеко вперёд: и в создании систем социализации, и в создании систем унификации». Иначе говоря, «тоталитаризм по сути является высшей и по-

следней стадией модерна — когда человек становится полным заложником и рабом систем социализации».

«В обществе, где разрушены основные социальные коммуникации, тоталитаризм невозможен, — хлётко формулирует докладчик. — Поэтому когда говорят о путинской России как о неототалитарном государстве, это вызывает у меня большие сомнения, переходящие в смех. Нет менее тоталитарного государства! Государству абсолютно всё равно, чем ты занимаешься и о чём думаешь, это абсолютно твой личный выбор. И главная цель государства в том, чтобы минимизировать претензии гражданина к государству».

И особо ведь не поспоришь.

[1]. Девятый круглый стол о российской экономике: «Модернизация, демократия и национализм» (докладчик С. А. Белковский). Полная стенограмма//Сайт Виктора Бирюкова. — 18 июня 2011.

[2]. Александр Брусиловский. Картинка с выставки//Промышленное и гражданское строительство. — 29 июля 2006.

[3]. Александр Черницкий. Жить в России//Наша власть: дела и лица. — 2007. № 11.

[4]. А профессор-то хам!//ЖЖ Шатика. — 10 июня 2011.

[5]. Виктор Бирюков. СНГ: размежевание ради воссоединения//Война и мир. — 29 ноября 2009.

[6]. Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. — М.: Политиздат, 1987. С. 316.

[7]. Александр Черницкий. Психологический анализ оппозиции//Война и мир. — 14 ноября 2010.

[8]. Долг империи//Каспаров.Ру. — 14 января 2010.

[9]. Наталья Крыленко. Русская душа как ключ к модернизации//Полярная звезда. — 2 июня 2011.

Франк Сусин

## Богатство украинской диаспорной украинистики

*Представление российского читателя, в том числе профессионального историка и политолога, о североамериканской украинской диаспоре ограничивается в большинстве своём знанием того факта, что таковая существует. Между тем, у украинских эмигрантов чему-то могли бы поучиться зарубежные россияне. Об изучении Украины за пределами Украины рассказывает директор центра им. Петра Яцыка Канадского института украинских исследований университета провинции Альберта, профессор Франк Сусин.*

— *Опишите, пожалуйста, основные вехи Вашей биографии.*

— Я родился в Америке, в США, вырос Нью-Джерси. Со стороны отца я украинского происхождения — в третьем поколении, в Новый Свет выехали мои дед и бабушка. Моя мама — голландско-ирландского рода. Был студентом Принстонского университета в Нью-Джерси, потом получил магистерский диплом

школы славяноведения университета Лондона, докторскую работу защищал в Гарвардском университете в Бостоне в Массачусетсе. От 1976 года работал преподавателем, доцентом в департаменте истории Гарварда, и до конца 1980-х занимался научной деятельностью при Гарвардском институте украинских исследований (HURI). С 1990 года я являюсь директором Центра исследований истории Украины имени Петра Яцыка — это в университете Альберта при Канадском институте украинских исследований (CIUS). Как видите, у меня значительный опыт нахождения в двух основных

центрах украиистики в Северной Америке. Кроме того, я редактор исследовательского и издательского проекта — перевод многотомника Михаила Грушевского «История Украины–Руси» на английский язык. Также я веду различные исторические проекты в нашем институте: у нас два основных центра — в Эдмонтоне и Торонто.

— **Какие темы Вы изучали?**

— Моей специализацией был украинский ранний модерн. Я написал биографию Адама Киселя. Он был киевским воеводой во время Богдана Хмельницкого, очень важный украинский шляхтич, один из деятелей украинской культуры в Речи Посполитой. Второй мой интерес — церковная история XVI–XVII столетий, а также я писал очень много о церковной ситуации XX–XXI веков в Украине. Другой интерес — казачья историография, начало XVIII — XIX века, так называемая «казачья историография». Сейчас мои интересы — история Галиции XIX — начала XX века, церковное и национальное движение. Готовлю к переизданию работы отца Михаила Зубрицкого, он был выдающийся этнограф, историк, написал множество газетных статей про тогдашнюю актуальную ситуацию, и благодаря его публикациям можно понять народных дух священников Галиции того времени, да и вообще узнать многое об обществе того времени.

Наш центр также выдаёт серию книг на украинском и английском языках.

— **Скажите, пожалуйста, несколько слов об истории украинской эмиграции в Северную Америку.**

— Массовый выезд украинцев в США и Канаду начинается в конце XIX века, преимущественно из Австро-Венгрии (Галиции, Закарпаття и Буковины), но также и из Российской империи (Волинь, Центральная Украина). В Америку ехали преимущественно в большие индустриальные города, на заводы, на шахты. В Канаду уезжали в основном на незаселенные земли — этих переселенцев называли пионерами. К слову, в тот же момент возникла украинская община Бразилии, которая также сохраняется до настоящего момента в основном из-за того, что осела на земле.

Вторая украинская эмиграция — после революции, поражения освободительной борьбы 1917–1920-х годов, падения Украинской Народной Республики (УНР) и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Исход 1920–1930-х годов из Западной Украины был отчасти связан с экономической ситуацией в Западной Украине, а отчасти — с политическими причинами. Разница была в том, что США в 1924 году закрыли въезд для людей из Восточной Европы, поэтому основной поток устремился в Канаду и Аргентину.

Третья волна — после Второй мировой войны — преимущественно люди из Западной Украины, потому что их насильственно не выдавали Советам, как людей, и до 1 сентября 1939 года являвшихся гражданами СССР. Но какому-то количеству людей из Центральной и Восточной Украины удалось остаться на Западе. И «повторная эмиграция» — украинцы, проживавшие между двумя мировыми войнами в Берлине, Праге,



Вене, других центральноевропейских городах — тоже выехали за железный занавес. Многие уехали в Северную Америку и из Англии, Франции, Западной Германии.

Четвёртая волна — после провозглашения украинской независимости в 1991 году.

Сейчас в Канаде 1 250 тысяч человек украинского происхождения или частично украинского происхождения, для более чем ста тысяч из них украинский язык — родной. Это из 33-х миллионов населения.

В Америке насчитывается около миллиона граждан украинского происхождения — из 310-миллионного населения. В Америке больше, чем в Канаде, эмигрантов четвёртой волны.

В целом количество людей, владеющих украинским языком, в Северной Америке по сравнению с прошлым существенно снизилось, ситуация не наилучшая. Хотя есть случаи, когда в Канаде родители, которые между собой говорят по-английски, посылают детей в украинскую школу, и дети говорят на украинском лучше родителей.

— **А научная жизнь как была связана с этими волнами?**

— До Второй мировой войны главные центры украиистики были — Украинский свободный университет в Праге, украинские институты в Варшаве, Берлине, часть учёных проживала Париже. В Северной Америке научная жизнь протекала довольно слабо, и когда профессор Пражского свободного университета Дорошенко был в США, он прочитал серию

лекций тамошним украинским студентам, и его учебник по истории Украины был издан на английском языке в Канаде 1938 году.

Значительные изменения начались после Второй мировой войны — потому что в Северную Америку выехало много украинских учёных и студентов из Центральной и Западной Европы, Украины, подросло поколение украинско-американских студентов.

Кроме того, с началом холодной войны в США лавинообразно развивались восточноевропейские исследования и славистика. Свою роль сыграл и Спутник — американцы думали, что Советский Союз открыл какие-то секреты, и его надо лучше понять, а для этого изучать. В связи с этим появилось больше мест для людей, занимавшихся украинской историей, преимущественно это были учёные украинского рода, но были и не украинцы.

В 1960-х годах западные политики и научный мир уделяли мало внимания национальному вопросу в СССР, частично из-за того, что наивно верили: советская власть нашла решение национального вопроса.

Значительные изменения в североамериканской украинистике произошли в 1960-х годах, потому что украинская община собрала средства для кафедры украинистики в Гарварде. Первую кафедру истории — имени Грушевского — создали в 1968 году, ещё через четыре года были созданы кафедры филологии и литературы, а в 1974 году в Гарварде был создан украинский научный институт (HURI). Читатели, наверное, знают, что Гарвард — один из ведущих американских университетов (частное учебное заведение), в нём сильная школа исследований России, Польши, других центрально-европейских стран. В этом университете одна из лучших в мире библиотек для изучения этого региона. Украинский научный институт был очень силен в те годы, проводил это профессор Емельян Прицак — выдающийся тюрколог и медиевист. В те годы начали выпускать журнал «Гарвардская украинистика» («Harvard Ukrainian Studies»), выросло целое поколение аспирантов преимущественно украинского происхождения, но не только. Возникли многочисленные научные проекты, в конце 1970-х годов запустили проект по изучению Голодомора — в частности, над ним работал Джеймс Мейс (James Mace). Позже в сотрудничестве с Гарвардом Конквест написал свою славную монографию «Жатва скорби». Были и другие научные проекты, в частности, на тысячелетие христианства в Украине-Руси (1988 год), издали в переводах на английский язык множество источников средневековой Украины-Руси, а также украинские тексты XVI–XVIII столетий.

Второй центр был в Мичиганском университете — там был профессор кафедры истории Восточной Европы Роман Шпорлюк, украинец из Польши, который до этого учился в Оксфорде, а после преподавания в Мичигане стал профессором Гарвардского университета. Он оставил плеяду учёных, занимающихся историей Украины XIX — начала XX века.

В сравнении с исследователями, занимавшимися Российской империей или Советским Союзом, исто-

рию и культуру Украины изучала горстка людей. Но, тем не менее, украинистика в 1970-е годы прочно вошла в американскую историографию.

— *А в Канаде?*

— В Канаде процессы были другие. Во-первых, из-за значительных украинских поселений в Западной Канаде украинская филология уже преподавалась на местном уровне. Было большое количество людей, разговаривавших на украинском языке. А после войны при канадских университетах открылось большое количество центров или кафедр украинского языка и филологии. Много профессоров преподавало понемногу либо украинскую политологию, либо историю. Значительные изменения произошли в 1970-х годах, когда политиками Канады было принято решение о том, что все языки и культуры народов Канады должны рассматриваться как часть национального богатства, да и украинская община была довольно активна. В 1976 году был создан Канадский институт украинских исследований (CIUS) при университете Альберта в Эдмонтоне, где наибольшее скопление людей украинского происхождения. Разница между США и Канадой состояла в том, что Гарвардский украинский институт (HURI) создали меценаты из украинской общины — более 15 тысяч людей отдали для этого свои деньги. А в Канаде государство, провинция Альберта финансировала наш институт. У CIUS больше задач, чем у HURI. Он готовит, например, учебники для канадских украинских школ, учебники по истории Украины для высшей школы. В 1980 году была создана кафедра украинской истории при университете в Торонто, где также преподавали литературу и филологию. При других университетах открывают кафедры украинистики.

К достижениям украинской диаспоры относится издание англоязычной украинской энциклопедии, главным редактором первых двух томов которой был профессор Владимир Кубийович, в 1941–1944 гг. возглавлявший Украинский центральный комитет во Львове. Данили Гусар Струк, выдающийся филолог и литературовед, был главным редактором последних трёх томов.

CIUS издал больше, чем 150 монографий, публикуются и другие работы. Немного не хватает тематики средневековья из-за того, что мощная школа по этому вопросу существует в Гарварде.

В те годы мало кто из историков интересовался Украиной — большее внимание было со стороны социологов, антропологов, этнографов или лингвистов.

История Украины стала вызывать куда больший интерес уже в начале XXI века — в частности, проблемы, связанные со Второй мировой войной, с ментальностью Украины. Важно, что и в Северной Америке, и в Украине есть масса специалистов, изучающих эти вопросы.

— *Значит ли это, что с возникновением суверенной Украины интерес к её истории среди историков неукраинского происхождения вырос многократно?*

— Да. Важно также, что и укрепились связи с Украиной. При этом в исторической науке в независимой

Украине дела обстояли куда хуже, чем, например, в России. Москва и в некоторой степени Санкт-Петербург сохранили в значительной мере классическую форму историографии, ситуация была почти катастрофической в Киеве. Это касается, например, тюркологии, византистики и других традиционных направлений — того, что просто необходимо для изучения истории Украины. Во Львове несколько другая ситуация, поскольку там было несколько человек старшего поколения: профессор Дашкевич — армянолог, профессор Исаевич — ученик Крипякевича. И диаспора тут помогла, потому что люди из Украины могли либо получать стипендии, либо, благодаря стажировкам, изучать необходимые языки, или просто учёные из диаспоры высылали в Украину необходимую литературу. Хотелось бы верить, что этот период уже закончился, но из-за экономической ситуации украинская историография пребывает не в наилучшей форме.

Ну, а со временем появились сильные историки, которые изучают не только историю Украины. Но первоочередным заданием было возрождение памяти традиционной украинской историографии, и в тот период на Украину было довольно сильным влияние людей, которые работали у нас. Теперь нередко и публикации украинских учёных из Украины влияют на науку в диаспоре.

Например, Наталья Кононенко в Киеве — абсолютно передовой и интересный учёный, работы которой оказывают влияние на нас. Многие студенты из Украины приезжают на Запад, у них уже есть знание английского языка, и, получая работу в США или Канаде, они дальше делают украинскую науку. В этих кадрах я вижу будущее диаспорной украинистики.

— *Это преимущественно люди с востока или запада Украины?*

— Большой разницы нет. Я думаю, Северная Америка притягательна для выходцев из всех регионов. Есть масса программ обмена, очевидно, что нет мест для всех этих людей, часто у них нелёгкая судьба, но, повторюсь, это — будущее североамериканских исследований Украины, особенно истории. Потому что североамериканские антропологи, социологи и филологи — часто не украинского рода.

— *А среди «белых протестантов» есть интерес к украинской истории?*

Есть общий интерес. Например, профессор колумбийского университета Марк фон Хаген опубликовал монографию о Красной армии в 1920-х годах, сейчас пишет работу о Первой мировой войне на украинских землях. Он был главой всемирного товарищества украинистов и создал программу изучения Украины при Колумбийском университете. После 1991 года появились программы изучения Украины во многих университетах, например, Канзасе. Да, сейчас происходит процесс деэтнизации украинской историографии в Северной Америке, но немного меняет эту ситуацию новый поток молодых эмигрантов из нынешней Украины, о чём я уже говорил. Примерно то же самое наблюдается в исследовании России в Северной Америке — туда идут либо дети эмигрантов последней волны, либо сту-

денты прямо из России, приехавшие на обучение в США, в том числе по программам обмена.

— *Выглядит так, что североамериканскими исследованиями истории России больше занимаются англо-американцы.*

— Это так, но русская филология, например, в основном в руках выходцев из СССР, что и понятно, потому что они изначально лучше владеют русским языком.

Североамериканской полонистикой, например, также в основном занимаются американцы и канадцы польского происхождения или эмигранты из Польши.

Не всё хорошо у нас — есть немало людей, кто пишет про Украину, но без хотя бы пассивного знания украинского языка, а только со знанием русского и польского.

— *Какая разница в исследованиях Украины в зарубежной украинистике и в аналогичных работах «на материке»?*

— Сначала — несколько слов о минувшем. Те, кто изучал историю Украины в диаспоре, должны были быть готовы к тому, что их в архивы не пустят. Например, я, когда писал о XVII веке, хотел поработать в библиотеках и архивах в СССР и Польше. ПНР пустила меня, СССР — нет. Других вообще в соцлагерь не пустили!

Сейчас архивы в Украине в основном открыты, но многие местные историки обладают лучшим доступом в них, в том числе и потому, что им не нужно ездить в командировки через океан.

Что до взглядов — то, к сожалению, политические баталии в современной Украине отражаются и на исследованиях. Ощутимо и идеологическое влияние России.

Но всё же основной проблемой украинской историографии остаётся финансовая проблема — нет денег, чтобы подготовить поколение украинских аспирантов и докторантов, а профессор, чтобы выжить, должен работать на трёх работах, а не думать о повышении своей квалификации или писать научные работы. Я удивляюсь, что они вообще что-то пишут. Ну, и значительная проблема — нет украинского книжного рынка, всё завалено литературой на русском языке. Нередко в институтах издаются хорошие монографии, но они пылятся на полках и в подвалах, потому что неясно, как их распространять.

— *Если сравнить исследования о России и Украине в Канаде и США — какую разницу можно увидеть в этих странах?*

— Когда я приезжаю на съезд ассоциации славистов (в том числе историков) в Канаде, то там значительный процент докладов посвящён Украине, в США на аналогичном мероприятии в количественном отношении доминируют доклады о России. Хотя одновременно растёт интерес к Российской империи как к многонациональному образованию, поэтому люди выбирают для изучения регионы за пределами этнической России. В частности, профессор Хетер Холеман (Heather Holeman) написала книгу о духовенстве Киевской губернии. Она — специалист по истории России, но исследует украинский материал. В целом изу-

чением России в США занимается раз в десять больше человек, чем изучением Украины.

— *Если мы рассматриваем периодические издания по истории Украины — где их больше?*

— В Северной Америке на английском языке выходят два журнала по этой теме — «Гарвардские украинские исследования» (HUS) и «Журнал украинских исследований» (JUS) в Канаде. Есть ещё «Украинский историк» на украинском языке, но он частично публикуется в Украине. Хотя, вот, например, журнал «Украина современная» («Україна модерна») — издаётся в ассоциации с нашим институтом (CIUS), выходит в Киеве и Львове.

Журнал «Восток — Запад» издаёт Гарвард вместе с Академией наук Украины, а главный редактор живёт в Харькове. Понятно, что сугубо украинских журналов, посвящённых украинской истории, больше в Украине — хотя, на мой взгляд, недостаточно.

— *Какие вопросы наиболее актуальны в диаспорной украинской историографии?*

— Если брать средневековье, то важный вопрос — какой народ и какое государство являются наследником Киевской Руси? Многие интересуются Брестской унией и церковным возрождением начала XVII века. Скоро будет отмечаться годовщина смерти и рождения Шевченко — думаю, немного возрастёт интерес к XIX веку. Что касается XX века, то больше всего исследуются проблема Голодомора, Вторая мировая война, Холокост. Ну а теперь из-за политической ситуации в Украине наблюдается обострение исторических проблем, где правительство шатается в одну или другую сторону. Есть стремление противодействовать русскому миру, в частности, патриарху Кириллу — и его неопанславизму. Всё столь же волнующими остаются проблемы принадлежности к той или иной цивилизации, национальной самодостаточности, адекватности украинской традиции — всё это под знаком вопроса. И это касается не только академической науки, но и широких слоёв общественности.

*Беседовал Александр Гогун*

## ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

*Валерий Сендеров*

# Псевдоморфоз

*Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала её в лице Петра Великого*

*Освальд Шпенглер*

Несколько лет назад довелось мне делать обзор бурных общественных споров об учебниках советской истории. Дав без комментариев слово различным участникам обсуждений, я подытожил их тексты кратким выводом; звучал он приблизительно так. Обе стороны неправы. Одна говорит: «Главное — в великих достижениях сталинского государства». Другая возражает: «Преступления этого государства никакими достижениями оправдать нельзя». И, таким образом, при всей важности этого спора, на поверку он оказывается просто вкусовым. При кажущейся разности мировоззрений, о глобальных оценках никто и не спорит. Да, было государство, великое, могучее и преступное. Так считают все, лишь замазывая часть употреблённых нами прилагательных в своих страстных речах. Между тем, само это утверждение абсолютно неверно. Никакого государства в течение семидесяти лет на территории бывшей Российской империи попросту не существовало. Понимая внешнюю парадоксальность своей позиции, я попытался, разумеется, кратко аргументировать её.

Что тут поднялось! Какие тут споры — людям плюнули в святая святых! «Ну, не любишь ты нашу Родину. Ладно, не люби. Много вас нынче таких. Но чтобы её вообще не было... Это ж надо — до такой чуши договориться!» Я, правда, не только договорился. Я попы-

тался ещё, худо-бедно, эту свою чушь мотивировать. Однако у оппонентов не хватило добросовестности хотя бы констатировать этот факт.

И нельзя было в их хоре отличить патриота от либерала. Оказался «Союз Советских» оскорблённой Родиной для тех и других. Патриотические патриоты предпочли бы во главе Нерушимого Сталина ещё покруче. Либерально-демократические... Сталина же, но помягче, — так надо полагать?

Спорить я тогда не стал. Не люблю. Никакая истина в спорах не рождается — это выдумали суетливые греческие болтуны. И всякий спор построен на наивнейших посылах. «У меня такие несокрушимые доводы — как же я могу всех не убедить?» Но если даже и думать так... На мои-то аргументы и ведения ухом ничего не последовало...

А сейчас — вижу я необходимость к этой теме вернуться. «Было ли сталинское государство государством?» — формулирую ещё раз крамольный вопрос. Сделать это надо: сталинщина в нашей стране крепчает. И будет крепчать. Чего бы ни хотели, что бы ни делали историки, комиссии, Президент... И причина этого факта — фундаментальна и проста. Сталин — лишь инкарнация, воплощение самодовлеющей Государственности. И инкарнация идеальная — кроме царя Ивана, конкурентов в истории действительно не сыскать.



А поклонение Государству, этатизм остаётся в нашей стране всеобщей религией. И действующий «на благо Родины» (какова бы она ни была?) либеральный Президент уступает вследствие этого футбольному отморозку. Как в простейшей логике, так и в эмоциональном напоре.

Между тем, положение вовсе не безнадежно. Миф сталинщины, этатистский миф «Державности» — фальшь и гниль. И лишь наша вина, что мы до сих пор как следует не разобрались в нём.

Но есть и частные обстоятельства, на пороге ответственного рассмотрения они подбадривают меня. Как выяснилось, есть в парадоксальном выводе у меня авторитетный союзник.

*«Большевистское правительство не имеет ничего общего с государством в нашем смысле, каковым была петровская Россия. Подобно кипчаку, царству «золотой орды» в монгольскую пору, оно состоит из господствующей орды — именуемой коммунистической партией, — с главарями и всемогущественным ханом, а также с несметной покорной и беззащитной массой. От настоящего марксизма тут мало что сохранилось, разве что одни наименования и программы. В действительности налицо чисто татарский абсолютизм, который стравливает весь мир и грабит его, не зная никаких границ, кроме, пожалуй, предусмотрительности, — хитрый, жестокий, пользующийся убийством как повседневным средством власти, ежесекундно грозящий возможностью нового Чингисхана, который свернёт в один рулон Азию и Европу».*

Так написал Освальд Шпенглер в начале 20-х годов.

Со Шпенглером, разумеется, не обязательно соглашаться. Но не стоит игнорировать его слова. Тем более, когда речь идёт о вопросах, во многом терминологических. Многие не соглашаются с конечными выводами философа. Но при этом отдают должное его историософской терминологии (придорожному, так сказать, багажу). Ничего не поделаешь, терминология эта математически точна. И это не позволяет видеть в пассаже мыслителя лишь его эмоциональное отношение к коммунизму — этой «кровавой карикатуре на западные проблемы», по его же словам. «Не государство» и означает, в точности: «Не государство». Что же философ имел под этим в виду? С парадоксами такого рода Шпенглер сталкивался не впервые. И выработал специальное понятие для описания их.

*«В слой скальной породы включены кристаллы минерала. Но вот появляются расколы и трещины; сюда просачивается вода и постепенно вымывает кристалл, так что остаётся одна пустая его форма. Позднее происходят вулканические явления... сюда проникает раскалённая масса... ей приходится заполнить ту пустоту, что уже имеется, и так возникают поддельные формы, кристаллы, чья внутренняя структура противоречит внешнему строению, род каменной породы, являющийся в чужом обличье. Минерологи называют это псевдоморфозом».*

Ничего не скажешь — образ точный. По «внешнему строению» СССР — государство, тут и предмета

для спора нет. Но в чём «внутренняя структура» его — «противоречит внешнему строению»? Иными словами: какие определяющие признаки «государства в нашем смысле» — в действительности не выполнены в случае СССР?

Государство. Империя. Держава. Мы довольно автоматически употребляем обычно эти слова. А если пытаешься что-либо конкретизировать, уточнить, слышишь в ответ снисходительное: «А разве Персия — не Империя? А Египет, Китай?»

Не Империя. Ибо для содержательного рассуждения необходимо прежде *ограничить* круг рассматриваемых объектов. Иначе... Чересчур общие рассуждения неминуемо вырождаются в болтовню. Можно рассуждать о государствах, бегая мыслью от Ассирии и до инков. Но тогда «доказать» можно будет решительно что угодно. «Государством» окажется, чего доброго, и район проживания автора настоящей статьи.

Каков же разумный «ограничитель»? Ответ, на наш взгляд, прост: представительную выборку даёт римско-христианский ареал обитания. Любое государство, с которым нам не абсурдно сравнивать себя, — римское по истокам и христианское по культуре. И расширить эту выборку нельзя. Обратившись, скажем, к Израилю, к Персии — этим ближайшим «соседям» римско-христианского ареала, — мы уже попадаем в чужие культурно-политические миры. И не находим в них чего-либо, пригодного для сравнения с собой.

Вот мы и дошли, наконец, до корректной постановки задачи. Каковы общие определяющие признаки *любой* империи римско-христианского исторического ареала? И обладал ли этими признаками СССР?

Общих очевидных признаков не так уж и много. Но всё-таки они есть.

1. В любой Империи имеется достаточно свободный «правящий слой». Он не связан круговой порукой коллективной ответственности и страха, и он упорно стремится расширить свои свободы и права. Это неминуемо «подтягивает» и низшие слои: мыслимо ли, допустим, самостоятельное, правообладающее дворянство при сильном, развитом, но полностью холопском по статусу городском сословии? Словом, возникает и реализуется мощная и неизбежная «инерция свободы». И в её последовательной реализации история Империй, по сути, и состоит.

В любой Империи нетрудно указать такой слой. В Риме это — слой граждан (вспомним хотя бы, какую роль в событиях «Деяний апостолов» играет римское гражданство Павла!). В империях Средних веков — рыцарство, дворянство. Но наличие в Империи свободлюбивого правящего слоя — не только легко обнаруживаемый экспериментальный факт. Это, прежде всего, факт принципиальный. Император, при любом его церковном статусе, уже не является непостижимой и грозной инкарнацией всеведущего Божества. Он — помазанник, он на царство благословлён. Но это совсем разные статусы. Императору, грубо говоря, внятен довод: «Не можешь ты быть всюду, великий государь!». И потому он нуждается не только

в мастерах-профессионалах. Он нуждается ещё и в *сознательных* соратниках. (Вспомним, для сравнения, как пало государство инков. Испанцы «повязали» Великого Инку — и распоряжения в «империи» было после этого просто некому отдавать).

Так возникает и мужает Свобода. Не будем идеализировать процессы освобождения: большинство при этом думает только о себе. Но к Свободе понуждает сама логика имперского развития.

Здесь возникает, правда, один щекотливый вопрос. «Хорошо, — скажут нам. — В вашу логику вписывается, может быть, расширение прав дворянства. Но, как всем известно, права третьего сословия завоёвывались обычно в итоге кровавых революций. Можно ли, не странно ли считать революции “эпизодом имперского развития”?»

Ну, во-первых, права приходили по-разному. Сколько на карте Европы стран? А сколько мы помним «великих революций»? Насчёт самих же великих...

*«Трудно понять, каким образом Великая французская революция могла считаться колыбелью свободы. Так думают люди, для которых ярлыки и лозунги важнее подлинных исторических явлений... Революция шла в старом режиме, вместе с устаревшими привилегиями и неоправдываемым уже гражданским неравенством, многочисленные островки свободы: самоуправление провинций, независимость суда (парламентов), профессиональные корпорации, университет. Она уничтожила всё это».*

Так написал глубокий и тонкий наблюдатель, Георгий Федотов. Христианский социалист по взглядам, в тенденциозной контрреволюционности его никак не упрекнёшь. Вспомним и нашу Февральскую. И в горячую голову не придёт, что к моменту её начала правовые и демократические цели были без переворота неосуществимы. Но цель-то была одна. Задушить проклятое самодержавие...

Вернёмся к печальной нашей теме. К сталинскому СССР. Ясно, что говорить о наличии в Державе «свободного слоя» можно лишь на правах грустного анекдота. В 1952-м ближайшие сподвижники Злодея дрожали так, как им и в 1937-м не снилось...

2. В Империи всегда существуют и развиваются юридические права.

Это простое положение, я не буду долго останавливаться на нём. Прокомментирую лишь традиционную мысль о традиционном российском бесправии.

Как развивалось образцовое английское право? Часто всуе поминаемая Великая Хартия вольностей устанавливала дозволенные формы плащей и длины шпага. Но устанавливала — навсегда, нерушимо. Текли века; право совершенствовалось и развивалось. Стало ли оно хоть через восемьсот лет всеобщим? В XIX веке положение английского рабочего или матроса всё ещё было хуже положения американского негра-раба.

Но накопленное — накоплено. И к XX веку наступил перелом. Английское право уже в качестве *всеобщего* заслуженно стало считаться образцовым.

И заняло это всё — *тысячелетие*. Российской же империи всего-то было отпущено — двести лет... Но к концу их сделано было весьма немало. Сделано Престолом и — под занавес... — земствами на местах. В начале XX века в России — самое развитое в Европе рабочее законодательство (что естественно: на европейский опыт оно и опиралось). Правовому просвещению способствуют к этому времени разные силы. От легальных марксистов (в столицах). До кадетов (в губернских городах). И складывается, в плане правовом, впечатление какого-то накопления. Стояния на пороге. Готовящегося прорыва.

Не состоялось.

Состоялся — СССР.

Бессмысленно в нём говорить о праве. Но хочется, завершая тему, вспомнить личный один эпизод. Не кровавый. Но очень серьёзный, на мой взгляд.

В Чистополе сидючи, читал я там прессу перестроенную. Народ тогда с самогоноварением упорно боролся. Перестройщики в квартиры врываются, изымали аппараты. А пресса об этом *с одобрением* писала...

Крыленки, вышинские, сталины — имели, безусловно, представление о праве. При старорежимном воспитании — как было не иметь? Другой вопрос, что они с этим представлением делали. Но прошло несколько поколений. И бессмысленно говорить новой поросли: нарушаешь ты личные права. *Не поймут*. Скажут: *мы ж добра хотим...*

3. Христианская империя всегда *личностноцентрична*.

Прошу прощения за уродливый термин. Но мне нечем его заменить. Можно говорить о «почитании личности», об уважении к ней. Но я-то имею в виду другое. Человек в христианской империи — центр мироздания, образ Божий. Способный, вследствие дарованной ему свободы воли, на добро и на зло.

Лишь в таком качестве человек в христианских империях и рассматривался. Не как «представитель» чего-либо: он представлял прежде всего самого себя. Суд над ним мог быть кровавым, жестоким, изуверским. Но это был суд именно *над ним самим*.

В чём, к примеру, суть западноевропейского средневекового мировоззрения? Каждый человек — арена борьбы неземных сил. Убогого, неграмотного крестьянина подстерегает на перекрёстках сам Дьявол, душа его и для Бога, и для Сатаны бесконечно важна.

Наивному читателю впору счесть мои слова апологетикой костров Инквизиции. Да, костры горели. Таков был язык эпохи. И «еретики» при случае способны были перещеголять попавших к ним в руки «правовверных».

Но я, в рамках моей темы, говорю о другом. Скажи кто-нибудь инквизитору: «А не сжечь ли нам это селение, святой отец?» *Не понял бы*. Сказал бы: «С каждым должно поступать по грехам его. А разве, сын мой, в этом селении нет добрых католиков?»

Что ж — к свободе и правам человека империи шли разными путями. Не всегда благостными и гуманными, на наш вкус.

Я нарочно взял явление личностноцентризма настолько *снизу*: сравнение снизу — полезный подход. Жутко читать протоколы Инквизиции. А восточные летописи — не жутко. В них фиксируется: по приказу Божественного уничтожен такой-то народ.

И — только...

Не художественно. Не *личностно*. Не горит...

Но вернёмся в СССР. Начался он показательными расстрелами *заложников*. Подчёркнуто безличностным — «по классовому признаку» — судопроизводством. Продолжился — сталинскими ссылками-полууничтожениями народов. Тут уж не до счёта людей: десятки народов, больших и малых, бессильно было бы пытаться пересчитать...

И вряд ли мы преувеличим, назвав *культ подчёркнутой безличности* идей и символом советской «империи».

Так что — ничего не поделаешь. Империя не получается... Византия и Рим, Россия, Австро-Венгрия, Великобритания... Все эти государства можно, по большому счёту, «наложить» друг на друга. Имперская «калька» окажется одна. На СССР эта калька — не накладывается. Кости торчат. Бесправия и безличности. Кости всеобщего абсурда и страха.

«Ну и что? — справедливо возразят нам. — И плевать на все эти *ваши* империи. Да, мы Ассирия, Персия. Нам и нечего делать в христианстве, в Европе. Наш путь — на Восток!»

Ничего не скажешь — возражение глубокое. Со сталинско-советским (просьба не путать с российским!) духовным багажом наследники Нерушимого *справедливо* ощущают себя изгоями в Европе. И пусть она и далеко ушла от христианских идеалов — но не порвала с ними навсегда, как они.

Здесь мы приходим к удивительной «несостыковке» советского мировоззрения. *Почему Нерушимый оказался карточным домиком?* По *вполне* логичной идеологии советизма он был действительно несокрушим. Поверим во всё. Что ЦРУ не пожалело миллиардов для закупки Хрущёва, Сахарова и Горбачёва. Что

всяких владимиров высококих конструировало ЦРУ же — на уцелевшие от глобальной операции миллионы (это не я придумал! это в книжных на рекламных полках лежит!). Поверим во всё. Но... Как всё же всё это смогло уничтожить могущественный СССР?

Ответа нет. Не слышать. А ларчик, увы, открывается просто.

...Плыл корабль по морю, и на борту его — сам великий Царь. С приближёнными, разумеется. И стал корабль в бурном море тонуть. Перегрузка (корабельщиков, может, неразумно, до срока, казнили?). И подходили вельможи поочерёдно к Царю. И распротёршись пред ним на прощанье — прыгали в бурное море со счастьем в глазах. *Освобождая от себя судно.*

Эпизод этот приводит в «Византизме и Славянстве» Константин Леонтьев — признаваясь, что эта персидская сцена дороже ему греко-римской истории. Что ж, точка зрения для эстета естественная. Но...

Эстетика неподвижности... Как она, быть может, прекрасна. Как непоколебима — когда вокруг неподвижный же мир. Но столкновения с подвижным — выдержать она никогда не может. И приходит всегда какой-то там Александр Македонский. Кто он такой, в конце концов? По сравнению с великими шахами он — вояка, шпана. Грубый солдафон, живущий со своим лагерем одною жизнью. Но он — подвижен, мобилен, горяч. И смотришь — не сыскать уж и тени от великого Дария, от могущественного Ксеркса...

...*Вот какой-то большой истукан; огромный был этот истукан; в чрезвычайном блеске стоял он... и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бёдра его медные. Голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук. Ударил истукан в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда всё вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах. И ветер унёс их, и следа не осталось от них...*

## МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Никита Кривошеин

# Сурдокамера

**В** своём рвении обогнать Америку 12 апреля 1961 года СССР осуществил первый пилотируемый полет в космос. Литавры и фанфары: тогда ещё не был читан «Круг первый» с пророческим утверждением: «Первыми на Луне будут американцы». Предсказанное сбылось 20 июля 1969-го.

Незадолго до полёта Гагарина я вернулся из Дубровлага. Арендовал комнату в Хлебном переулке,

в квартире скорее однокомнатной, чем двухкомнатной, прямо напротив посольства Бельгии. В январе целых две недели сидеть с переводами за машинкой мне мешали студенты и трудящиеся: они охотно сходились (всё лучше, чем на работу) у моих двух окон и скандировали: «Руки прочь от Лумумбы!».

Двенадцатого же апреля на соседнем, еще не совсем порушенном Арбате толпа была иного свойства, не нарочная, разная и подлинно радостная. Радиоточка за тонкой перегородкой, отделявшей меня от хозяй-

ки, гремела медными трубами. Варвара Васильевна Нечаева была дочерью директора гимназии, некогда размещавшейся в двухэтажном доме, который Советами был разделён на десяток коммунальных жилищ. Варвара Васильевна была живым доказательством того, что террор силён бессистемностью и невозможностью вычислить его ходы. Власть Советов никогда ничем её не потревожила, ей дали доживать в пятнадцати метрах, щедро оставленных при нарезке дома, даже со своим ключом и без соседей. Это не было наградой за какую-нибудь подлость, оставили просто так, непонятно почему. Старушка была человеком доброжелательным и ко мне, несмотря на вечерние, совсем не тихие пьянки, относилась очень ласково. На пике трубных раскатов она постучалась и с порога сказала: «Вот человек где побывал! Теперь, наверное, ему квартиру дадут». Не знаю, как было на самом деле, вероятнее всего, Гагарин был награждён не только пятиконечным золотом, но и орденом на отдельное жильё...

Трудоустройство после освобождения обошлось мне в три телефонных звонка: в «Новое время», АПН и «Издательство литературы на иностранных языках». Ответ на звонки был: «Приходите». На фоне космической борьбы за мир во всем мире и налаживаемого мирного сосуществования двух систем пропагандистские ведомства получили неограниченное финансирование и, имея кураторов из ЦК, пользовались большой самостоятельностью.

Московское радио выходило в эфир с передачами на многих языках, в том числе на суахили и идише. Ежемесячники «Военный вестник» и «Советская женщина» выпускались на шести наречиях. И так далее. К разорению страны пропаганда наверняка не менее причастна, чем космонавтика, но вторая дотянула до нашего времени. От рассказов же о счастливой жизни на целине и памяти не осталось: ни у авторов, ни у читателей, ни у переводчиков этой комбикормной жвачки.

Авторы стояли в очереди с поделками из тридцати меняющихся местами слов, а вот переводчиков их опусов на иностранные языки в СССР в те годы и Диогену с фонарём было найти непросто. Даже в Армении, где для массы злосчастных репатриантов английский и французский были родными. Даром что понять они так и не могли, что скрывается за русскими словами «мир, труд, май».

Так что многочисленные филиалы отдела агитации и пропаганды ЦК шли на наём любой годной к употреблению переводческой рабочей силы, хоть и в полузакрытые структуры. В основном брали на аккордную работу, такая форма давала возможность обойтись без заполнения шестистраничных анкет — от их чтения стошнило бы даже самого благодушного или утерявшего бдительность кадровика.

Решение позвонить в «Новое время» и К°, вне сомнения, было знаком моей политической проституции. Смягчающих обстоятельств больше, чем отягчающих: переводы статей о бесплатной медицине для всех позволяли либо вовсе не ходить в присутствие, либо бывать там по полтора дня за пятидневку. Ника-

ких лекций, кружков, профсоюзных собраний да субботников, никакого трудового коллектива: только милые и почтительные редакторши. О гонорах почти стыдно вспоминать: при не очень стахановских усилиях они в совокупности достигали суммы, превышающей оклады замминистра и члена-корреспондента, вместе взятые. Месячный доход составлял где-то около 600 рублей. Так что вполне оставался досуг кутить и безобразничать. Или неделями ходить с рюкзаком по Северному Кавказу. Испанский афоризм (а в этой стране прошла во многом схожая с русской гражданская война) «подлинный аристократизм состоит в том, чтобы продаваться только задорого» наверняка учитывался при установке расценок на людей, без которых не обойтись.

Откажись я тогда от переводов — сразу же из Москвы был бы выгнан. Милиция закрывала глаза на почти постоянное моё в столице пребывание, несмотря на зафиксированное в паспорте административное ограничение.

Я был не один такой (это я себе в утешение) из так называемых «бывших» (тогда они ещё оставались), отсидевших или избежавших ареста, реабилитированных и нереабилитированных. Линию поиска бытового удобства гнули многие десятки до- и послевоенных репатриантов из Франции и Северной Америки. Было ещё несколько застрявших в СССР сотрудников аппарата Коминтерна и спецов-добровольцев, приехавших на стройки социализма в 1930-е. С тех пор их и не выпускали. День за днём они сидели по домам за шумными пишущими машинками «Olympia» или «Westinghouse», перекладывая на иноземные языки, например, речь Шолохова на Съезде советских писателей. Каждое третье воскресенье часть воинов идеологического фронта ходила к обедне в стремлении отмыть душу. Вечерами надирались, понося режим и обмениваясь самиздатом.

Милосердие не позволяет приводить поимённый список этих узников совести. Тут и приехавшая из Парижа по зову дяди племянница советского баснописца; и барышни из более чем благородных семейств; и верующий сын репатрианта — преподавателя саратовской семинарии; и сверходарённый стилист-переводчик, родители которого были убиты НКВД в 1940-м, почти сразу по прибытии из Парижа в Москву вместе с Эфроном и Цветаевой; и всамделишный, не ильф-петровский, грузинский князь; и автор этой истории, сын и племянник врангелевских офицеров.

Как бы для смеха мы повторяли про себя слышанные в разное время от разных гэбистов слова: «Вы жалкие недобитки, недобитое сословие...» Осенью 2010-го один московский историк это определение остроумно откорректировал как «добитое»...

Каждые два-три года менялась группа откомандированных в московские «иноредации» молодых французов, членов КПФ. Поначалу они нас чурались, а к концу стажировки измученные дефицитом и советским качеством жизни доверялись: «Во всём виновата отсталость населения, передовое общество надо было начинать с Западной Европы, а не в такой темной

стране...» Прозрение, если оно им и давалось, то ещё болезненнее, чем их советским товарищам. Знаю лишь одно исключение из этого правила — супругов Кехаян, марсельских армян. В самом конце 1970-х, возвратившись домой, они перестали платить взносы в КПФ и опубликовали полную самую «злостной клеветы» книгу о Советском Союзе.

Все мы стали политическими проститутками: работодатели в Пропагандштаффел (в основном неудачливые партаппаратчики и проштрафившиеся мидовцы) нас иначе как продажных и не воспринимали и обращались с нами с брезгливой учтивостью. Первого такого *завреда* я встретил в 1953 году, почти сразу после поступления в издательство. Это был пониженный в должности за неурочное пьянство советник посольства СССР во Франции Борис Николаевич Годунов, автор книги «Де Голль — агент гестапо» (Госполитиздат). После начала «дела врачей» он проявил «звериный антисемитизм» и brutally избавился от переводчиков и редакторов-евреев (их было немало — из бывших коминтерновцев или из застрявших французских коммунистов).

Ниже какой-то черты опускаться всё-таки не хотелось, а посему дважды, в период накала хрущевских гонений на Церковь, я отказывался переводить тексты, авторы которых изыскивали новые доводы в пользу того, что Бога нет. Удивительно, но мой отказ не вызывал никакой реакции у начальства, разве что пожимание плечами. Работу передавали другим.

Всё это я к тому, что в потоке тусклой жвачки много пришлось переводить в 1961-м и последующих годах об отборе и подготовке космонавтов, и эти материалы были очень интересными.

В отроческие парижские годы я пристрастился к Жюлю Верну, так что рассказы о технологии моделирования невесомости в самолёте или бассейне с солёной водой, об имитации перегрузок на центрифуге, наблюдении за псами, побывавшими вблизи Луны, и т. д. — всё это мною переводилось старательно и с гораздо большим удовольствием, чем переложение на французский будды о перевыполнении плана поставок зерна государству!

Гагарина вскоре после полёта привезли в здание АПН, за кинотеатром «Россия». Космонавт ещё не был затаскан по заграницам и по передовым коллективам. Его осанка, короткий рассказ и улыбочка впечатляли и радовали. Я очень жалел о его гибели через пару лет.

В методике подготовки к полётам было и пребывание будущих Героев Советского Союза (кто будет отобран) по несколько недель, одному или вдвоём, в сурдокамере. Смысл опыта: поместить будущего кандидата (кандидатов) на межпланетный полёт недель на шесть в не пропускающий звуки куб с ровным постоянным светом, лишит часов, то есть всех признаков времени, кормить какой-то безвкусной едой, а потом посмотреть, что станет с его внутренним миром (а если их двое, то и с их взаимоотношениями).

Не знаю, проводились ли такие эксперименты на мысе Канаверал при тренировке американских

астронавтов. Что-то есть в самой идее очень советское. Сколько знаю, никто из побывавших в искусственном заключении потом не рассказывал, каковы оказались результаты. Наверное, это военная тайна.

Меня по ходу перевода осенило: да ведь сурдокамера — это Внутренняя тюрьма КГБ при СМ СССР. Аналогия не надуманная. Вряд ли в камерах лондонского Тауэра и в темницах опричнины шла шумная жизнь. А король Людовик XI (по многим параметрам аналог Ивана Васильевича Великого) придумал держать врагов в клетках, прозванных «les fillettes» (девчурки): их объём был рассчитан так, что ни сесть, ни встать, ни лечь. Тоже без развлечений, естественно.

Так что несколько поколений администрации Внутренней не могут претендовать на патент метода эмоционального голода, применяемого для управления психикой. Но метод этот они очень конструктивно применяли, что на Лубянке, что в Лефортово, и тем более в Суханове. Существовал и обратный приём: незакозыренные окна камер сухумской Внутренней с видом на близкий пляж — с утра до вечера подследственные наслаждались видом детских игр и пьющих винцо купальщиц. Что хуже?

Что именно соединило в голове условия пребывания в тюремной камере с тренировками в Звездном городке, не скажу. Но открывшееся подобие — реально.

Описывать процедуру приёма во Внутреннюю после рассказа об Иннокентии в «Круге первом» было бы пустым делом. Солженицын в этой главе (она заканчивается улыбающейся кошкой на кружке), не зная только что изобретённых французскими писателями методов «нового романа» и «литературного вещизма», — применил их успешнее любых Роб-Грийе и Натали Саррот.

«Люди-куклы» Лубянки (как сказано у Солженицына) обращались со мной в боксике и говорили, буд-то начитавшись рассказов о самих себе. Разве что не скупались на слова в бумагах: опись предметов, найденных при личном обыске, содержит «спички ломанные — две (2)». На моё замечание: «Да выкиньте» — отреагировали твёрдой фразой: «Вы здесь не в церкви, здесь не крадут».

За почти девять месяцев общения с лубянскими старшинами только дважды я слышал от них фразы не двусложные, а более или менее развёрнутые. Поздно вечером по возвращении из Военного трибунала МВО на Арбате молоденький надзиратель спросил: «Сколько дали?» На мой ответ: «Три» — заключил: «На параше пересидишь». А при свидании с отцом в Лефортово (на Лубянке свиданий не было) привезшие меня конвоиры вдруг стали неудержимо хохотать. Поведение беспрецедентное, возможное только после начала «оттепели». На вопрос моего отца: «В чём дело?» — главный ответил: «Да вот, смешно — то отца к сыну возим, то сына к отцу!» (отец, Игорь Александрович, освобожден в 1954-м).

И ещё об «оттепели»: режим содержания и обращение с подследственными в 1957-м, если знать, что было при т. Сталине, можно сравнить с жизнью в трёхзвез-

дочной гостинице. Передачи. Ларёк. По три книги в десять дней.

Гостиница гостиницей, но бронировать там комнату мне не стоило. Передав в феврале 1957-го статью (без подписи) о событиях в Венгрии для публикации в парижской газете «Монд», я всё равно что позвонил в КГБ справиться, остаются ли у них ещё свободные камеры...

Подобным «звонком» меня на полгода опередил москвич Леонид Чертков, мой сверстник. И камеру ему предоставили. Мы с ним дружили с 1952 года. Свои стихи, поначалу помеченные образами и стилистикой Гумилёва, он вслух читал в курилке самой большой русской библиотеки на Моховой (обозначать тогдашним наименованием не хочется). Мы находились в досамиздатской эре и о каких-либо «Эрика» берёт четыре копии и речи не было. У Гумилёва Чертков перенял не только интонации, но и отвержение большевизма. В его стихах об этом говорилось обильно. Его арест в январе 1957-го меня травмировал (ведь еле заканчивалось время массовых возвращений из лагерей!) и снял самосохранительные тормоза. Такой же «провокацией», в клиническом смысле слова, послужили очерки французского передового прозаика Веркора «Colloques moscovites»: несколько месяцев после интервенции в Венгрии он воспевал зарю свободы и ростки социализма с человеческим лицом.

Переезд Черткова на Лубянку вкупе с цинизмом-наивностью Веркора и толкнули меня на путь свершения особо опасного государственного преступления. Я изготовил недлинный газетный текст — о том, что Будапешт погасил эйфорию, вызванную десталинизацией и массовым возвратом выживших обитателей ГУЛАГа. И что режим снова взялся за своё, то есть за посадку. Текст появился в буржуазной газете «Монд», его автора органы не замедлили найти.

Народу, что образованному, что без дипломов, так хотелось конца Советов, что первый раз они приняли желаемое за случившееся в 1945-м: «братья и сестры», открытие церквей, роспуск Коминтерна, тост за великий русский народ... Да и война подарила жертвы и страдания, осмысленные и по совести. В то, что Сталин перерядился в доброго, хоть и строгого царя, поверили и соблазнились этим (плюс память о «Единой и Неделимой») только и мечтающие о сладком обмане белоэмигранты (тогда и мои папа-мама кинулись в Париже за советскими паспортами). Этой лабудой прониклись и такие почтенные и давно потерявшие невинность люди, как Пастернак и Твардовский, да и масса тогдашней интеллигенции. В тени Сталина Жданов с Абакумовым уже год-два спустя все вернули на свои диалектические места.

Второй раз хеппи-энд почти настал в начале марта 1953-го, когда Ус хвост откинул. Прекращение «дела врачей» в Великую Пятницу 1953-го, лавина освобождений, доклад Хрущёва... Вот-вот пойдет дальше... «Оттепель» обозначу календарно точно: от марта 1956-го — XX съезд — до 23 октября того же года. Мало кто помнит, что уже летом на приёме в посольстве КНР Хрущёв утешил китайцев, ласково вспомнив

т. Сталина. Это окно времени было окном всамделишного счастья.

Вторжение в Будапешт, скорое повешение Имре Надя и пропагандное обрамление этого позора не только мне, но и многим сверстникам показало, что антракт закончен. Всех тогда перешедших к действию не назвать... Вот по делу покойного Виктора Трофимова посадили и студента Ленинградского иняза покойного Владимира Тельникова. В Большом доме на Литейном по-молодому дерзко он напоминал собеседникам об участии их венгерских коллег-чекистов. Тридцатую пятую годами позже он, живя в Лондоне, помогал Александру Исаевичу в архивных изысканиях... Так что к прорицателям судьбы следует относиться скептически.

После Венгрии с переменным успехом проявлявшееся «шестидесятничество» было, по-моему, лишь «нас возвышающим обманом». Режим с фрондой стерпелся, сажал по-прежнему, жёстко, но статистически умеренно. А в конце 1980-х сам себя изжил, стал обваливаться и обрушился. Венгерские семена дали всходы.

Национальным праздником РФ, конечно же, должно быть 21 августа, день провала ГКЧП!

Отвлекся от рассказа и дал слово внутреннему голосу, как и в камере это происходило...

На дефицит эмоций после ареста и в первые недели-месяцы сетовать не приходится. Наоборот — смятение чувств почище, чем у Стефана Цвейга. Вглядывание и вслушивание мобилизуют тотально, ведь включен инстинкт самосохранения в противовес пониманию, что самосохраниться невозможно.

И поначалу как для зрения, так и для слуха — квота потребления непомерная. Тускло-серо-оливковые стены камеры напрягают зрение. Изводит тщетное желание расшифровать выражение лиц и настроение надзирателей — а их просто не существует. Свербит мысль: что прячется за гофрированным стеклом окна и между козырьками, прикрывающими форточку? А ничего. Что означают частые громкие крики старшин: «Даешь?» — «Даю!»? Позвякивание ключами о металлическую пряжку ремня и громкое цоканье? А то же, что красно-зелёный светофор у поворота коридора: элементы отлаженной системы, обеспечивающей невстречу между собой «постояльцев». Для этого же через каждые двадцать шагов устроены раздевалочные шкафы — туда тебе приказывают войти, как только раздаются встречные лязг-цокание... Стоишь, пока мимо не прошагают чужие шаги, тогда тебя выводят, и — дальше по коридору. Громкая, на весь двор, «молитва» часового при смене караула — «если я услышу шум и треск...», только этот её стих и запомнился.

Постижение тюремного мира занимает у новичка всё время.

«Но жизнь, как тишина осенняя, подробна... Великий бог деталей...» — это у Пастернака. Проявления «внешнего» мира много времени спустя оказались лишь громоздкой упаковкой происходящего у тебя «внутри». Никогда так чётко демаркационная линия между «вне» и «в» у меня не прорисовывалась. Всё

чувственное восприятие эка есть сумма подробностей и мелочей, это многожды описано: сколько обстоятельных рассказов о приручении камерной мышки или о педантичной бухгалтерии проделанных шагов.

Расположение моей камеры давало возможность после известной тренировки вычислить, который час, по ударам часов на Спасской башне. После отбоя (три коротких мигания никогда не гасшей лампочки за решёткой над дверью), когда всё вокруг затихало, извне хотя и редко, но было слышно движение автомобилей по улицам Москвы. В ночь на первое января такое подсчитывание курантов окрашивалось томящей ностальгией.

Возникали и «внеплановые» звуки: на третью или четвертую ночь моего «вселения» были очень громкие крики-вопли-стоны явно молодого человека, прерываемые возгласами: «Начальник, не надо, начальник, больше не буду...» И долго очень. Только много времени спустя мне стало ясно, что избияния в камере быть не могло, а если бы человек сам по себе стал так орать, то ему тут же убедительно посоветовали бы заткнуться. Встретившись в Мордовии с сидевшими в последние дни августа 1957-го, опять услышал рассказы об этих криках, это не было моей галлюцинацией. Объяснение нашли одно: в предыдущие дни десять, почти сразу после окончания VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, по стране, в основном в столицах, прошла волна арестов той самой молодёжи и студентов (всего около 10 000 человек за полтора года). Лубянка была набита до отказа. Более чем вероятно, что инсценировка понадобилась для того, чтобы доходчиво объяснить свезённым в узилище молодым людям специфику места. Такие записи воплей, позднее квалифицированные как пытка.

Ещё из шумов «несистемных»: курлыканье голубей за окном, постукивание клювов расположившихся рядом ворон. Лубянский двор привлекал сонмы птиц, остатки тюремной кухни им явно нравились. Не случайно появилось выражение «зловещая птица»: древние гадали по их полету, по их внутренностям. Пернатые знали, где собираться. Именно с тех пор они вызывают у меня совсем не те умильные чувства, что у персонажей безобразной передвижнической картины «Всюду жизнь».

Самому прибегать к услугам голосового аппарата приходилось лишь на допросах: долго они были ежедневными, многочасовыми, по стандартной методике сначала как бы благожелательными («Как вы себя чувствуете?»), чаще brutальными («Если вы отделаетесь двадцатью пятью годами, считайте себя счастливым!»). Полковник И.Т. Панкратов легко мог себе это позволить: дело на меня фабриковалось по ст. 58–1 а УК РСФСР: «измена Родине, шпионаж (мне клеили не просто честное «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а именно шпионаж, да ни много ни мало — атомный...), совершаемый гражданским лицом в мирное время».

Обстоятельные беседы в следовательских кабинетах бередили, и по возвращении в камеру уходило немало времени на их переваривание.

Счёт времени стал невозможен, время стало вязким, веками ему были не то отбой, не то количество прочитанных страниц.

Составить опись совокупности факторов, определивших счастливый, даже чудесный результат, а именно: те три года, те, что молодой старшина прочил мне «пересидеть на параше», — можно, лишь обратившись за подробностями в Архивное управление ФСБ и прочитав там три весомых тома, сочинённых на меня за более чем полгода. И то бутылка понадобится. В итоге от фабрикаций а-ля 1949 год (как было у моего отца) и молекулы не осталось. А ведь доходило до попыток упрекнуть меня в проникновении в неведомые мне «почтовые ящики» за Уралом! Эти сценарные бредни исчезли, «яко тает воск пред лицом огня». Не удержусь сказать, что из-за меня не пострадал ни один человек.

«Дал ли Никита на кого-нибудь показания?» — первый вопрос, который задал отец моему адвокату Василию Александровичу Самсонову после его встречи со мной. Нет, чтобы полюбопытствовать: «Как Никита выглядит?»

Обвинение по моему делу рассматривалось 19–20 марта 1958 года закрытым заседанием Военного трибунала Московского военного округа, а в кассационном порядке два месяца спустя — Военной коллегией.

19 августа 1958 года, на второй день слушаний в Военном трибунале, Самсонов, обращаясь к помощнику Главного военного прокурора СССР полковнику И.А. Петрову, дерзнул воскликнуть: «Доводы моего процессуального противника глупы, а порой абсурдны!» Попробуй он такое в те годы выкнуть в обычном суде... Всплывшая в десталинизацию взаимная неприязнь армия — ГБ оказалась мне тогда в помощь. Инспирировано мое дело было гэбистами, а судил меня военный суд.

«Развенчание культа» (того самого, что и нынешним ветеранам, в основном не из боевых, служит эликсиром молодости) помогло военнослужащим вспомнить о том, что, в отличие от граждан, они вооружены. Недозволенная тема армейского предвоенного холокоста присутствовала теперь на первых полосах: Блюхер, Якир... Убийца генерал-полковник Ульрих, председатель Военной коллегии, вызывал у большинства офицерства чувства иные, чем капитан Гастелло или защитники Брестской крепости. Ульрих, как многие из этих господ, был долгожителем и получал персональную пенсию чуть ли не до перестройки. Покоится в могиле с красивым памятником на Новодевичьем. Недалеко от Вышинского.

Именно военная юстиция оказалась на передовой реабилитаций, наравне с аналогичной комиссией ЦК. Надо отдать должное многолетнему заместителю Председателя Военной коллегии хрущёвских лет генерал-майору Д. Терехову: он способствовал ускоренному пересмотру дел, а позднее — началу доступа к архивам и первым публикациям. Он же, как я позднее узнал, помог тому, что Военная коллегия отклонила прокурорский протест («мало дали!») по моему делу. Мосгорсуд залепил бы мне червонец за полдня.

А чтобы читатель мне, двадцатитрёхлетнему, почувствовал, приведу дословно заключительную фразу обвинительной речи Петрова: «Хочу отбить хлеб у защиты и попросить судей применить к обвиняемому статью о смягчающих вину обстоятельствах. Они очевидны: Кривошеин получил буржуазное воспитание, в силу чего не смог правильно понять нашу действительность. Поэтому прошу ограничиться к нему минимальной, с учётом содеянного, мерой наказания — только десятью годами лишения свободы».

Синтез великого множества факторов, приведший к детскому сроку, в сочетании с нестыдом за себя, был прост и по ходу дела мне стал очевиден: Небо помогло. Помогло вопреки юношеской неопытности знать, что и как говорить, а о чём молчать.

А в камере, где молчать приходилось всегда, единственный, с кем удавалось общаться, был внутренний голос. Герой столь многих анекдотов. Голос здравого смысла был с кляпом во рту, ошарашенный театром абсурда, в который его загнали. Голос совести зато был говорлив и красноречив, и, конечно же, мучителен. Никакой диктофон тогдашнего моего внутреннего голоса не выдержал бы. Но он, компенсируя обеззвученность тюрьмы, нашёл «время и место выговориться». Если хоть как-то моя личность начала складываться, то только благодаря его тогдашним речам.

Живые же собеседники были в дефиците. Допросы ведь общением не назовёшь. Но я нашёл способ безнаказанно, хотя и тихо, производить звуки: однажды осенило свистеть в прогулочном двореке на тюремной крыше, куда доставляли на тридцать минут в лифте с встроенным в него боксиком. Надзиратель был в застеклённом проходе сверху и свиста не слышал. Мотивами своей музыки я выбрал два рефрена: кусочек «Марсельезы» (уж очень тянуло перебраться в Париж) и известную теперь в России «Песнь партизан», написанную в Лондоне в начале войны русской эмигранткой Анной Марли. Бравурный и простенький репертуар помогал самовзбадриванию и добросовестно исполнял свои функции. Однажды за толевой перегородкой, увенчанной колючкой, раздалось ответное насвистывание государственного гимна Франции. Праздник.

Тогдашний режим чтения поражал щедростью: три книги в десять дней, с выбором по каталогу. Рекомендую историкам советского периода запросить (библиотека Лубянки была перебазирована в Лефортово) машинописный каталог тех лет, последние его страницы были латиницей.

На титульной странице каждой книги штамп: помарки, пометки запрещены и наказываются карцером. На изданиях, в основном довоенных, фамилии редактора, художника, переводчика, автора предисловия часто были замараны фиолетовыми чернилами и замарывание заверено печатью «Внутренняя тюрьма ГУТБ НКВД СССР», то есть печатью ежовских структур. Классиков марксизма-ленинизма в каталоге не было: враги народа их труды своим чтением могли бы взглянуть. Основной набор книг (не считая произведений, отмеченных Сталинской премией) — кон-

фискаты, наверняка у тех несчастных, фамилии которых замазывались. Много изданий «Academia» в красной обложке. Киплинг и Малларме в подлиннике (дореволюционные лондонские и парижские издания), «Эпос о Гильгамеше», «Сага о Волсунгах», «В поисках потерянного времени». Окультируйся — не хочу!

Взятые сразу по вселении в тюрьму «Письма к брату» Ван Гога оказались хорошей энергетической подпиткой. «Война и мир», где-то в середине побывки, — единственная книга, уведшая в *успешный побег*: отрываясь от её страниц, удивлялся, что нахожусь в камере.

И о тождественности тюремных потребностей: большинство сосидельцев, каждый сам по себе, без наводки, выбирали «Волшебную гору» Томаса Манна. И почти все по ходу чтения находили аналогию между альпийским санаторием с иезуитом Нафтой и Внутренней: замкнутость и думы все об абстрактном. И ещё, но это уже из области юнговских архетипов, почти все рано или поздно видели один и тот же, с незначительными вариациями, сон: ты в городе, вроде бы на улице, непонятно почему, то ли освободили, то ли совершил побег, приятно это или страшно, тоже не ясно. Но к определенному часу необходимо вернуться в камеру, и страх опоздать превращает сон в жуткий кошмар.

Нина Константиновна Бруни, задолго до того, как меня упрятали, научила афоризму: «Одиночество хорошо, когда есть кому о нём рассказать». За неделю до окончания следствия, когда держать в одиночке стало бессмысленно, мне в камеру внедрили напарника — получилась сурдокамера на двоих.

Виталий Карякин, восемнадцати лет, три класса образования, несколько сроков за мелкое воровство в колониях для малолеток. Притащив его в отделение с катка, где он задибался (по настоянию матери завёл себе девушку — «лучше бы ты женился»; из-за девушки на катке и повздорил), милиционеры стали его бить. А он не нашёл ничего умнее, как вспомнить слышанные на этапах слова: «Фашисты, гестаповцы, придёт дедушка Трумэн, и мы вас будем вешать». Ему ввели пятнадцать суток, а по их завершении поместили в чёрную «Волгу», ждавшую у отделения, и прямиком ко мне в камеру. Виталику Лубянка показалась иной планетой. А он мне — с его рассказами о бытовых зонах — марсианином.

Узнал позднее, что ему — по причине многих судимостей — дали аж шесть лет. Был Виталик в душе хороший парень.

Не то что второй подаренный в компанию уголовник, уже после суда, когда я сидел вдвоём с востоковедом Маратом Чешковым (дело истфака МГУ). Нам внедрили сутулого, низкого, туберкулёзного господина с проглоченной для получения диетпитания ложкой в желудке. Уходя от карточных долгов на зоне, он сделал из простыни американский флаг. Флаг повесил на лагерном штабе. От лиц, которым он задолжал, его избавили тут же. В красочных подробностях он с удовольствием регулярно рассказывал нам, «франтам», о четырёх совершённых им убийствах.



Наличие собеседников снимало акустическую составную сенсорного голода, да и во многом личностную. Для глаза же оставался тотальный пост: всё вокруг серо-оливковое и иногда, как в блатном рефрене, квадратик синего неба во время прогулки. Лица следователей и надзирателей — как бы не лица. Мое зрение плохо переносило этот скудный паёк. Лишения терпели и обоняние, и вкус: над всем — от начальственных кабинетов с Феликсом Эдмундовичем на стене и до этажных тюремных уборных — витал слабый запах хлорки. От одинакового на все дни пайка не пахло вообще ничем, и тем лучше. Получение редких передач, очень ограниченных по весу и набору, было как Новый год и Пасха. К Пасхе, кстати, отец передал, и их приняли, несколько красных яиц. Они стали поводом для третьего развёрнутого предложения, услышанного мною от обслуживающего персонала тюрьмы. Брадобрей-библиотекарь-передатчик, больно скобля щёки, спросил: «Яйца съел, а что же тебя Бог не освободил?»

Без физиологии эту историю не закончить, да и истории бы не было.

К концу пятого месяца моего тюремного поста допросы сократились до нескольких раз в неделю. По возрасту в уборную мне хотелось нечасто, и пять часов проживались незаметно. Раза два, очевидно, с перепоя (воды), просился у следователей в туалет, они этих хлопот не любили: приходилось вызывать надзирателей, ждать... Уборная в коридоре Следственного управления была той же серо-оливковой и вполне под стать тюремной.

В один из самых последних допросов, к середине седьмого месяца следствия (я всё ещё был в одиночке), сильно захотелось не то в уборную, не то перебить принимавший опасный оборот разговор с майором Орловым и старшим лейтенантом Алексаночкиным. «В уборную, пожалуйста». — «А потерпеть нельзя?» Однако позвонили.

Двое старшин: «Руки за спину, вперёд».

Всякий, в тех местах побывавший, помнит, как чётко фиксируются в моторной памяти все маршруты, длина коридоров, места поворотов и перекрёстков. Но вот повели необычно, дальше привычного — то ли из-за ремонта, то ли из желания избежать встречи с другим заключённым — и ввели в непривычный туалет. Большое незарешённое окно, много света, белые стены. Свершив то, зачем сюда просился, захотел сполоснуть руки. Подошёл, открыл кран, закрыл, поднял голову.

На меня в упор уставился незнакомый человек. От шока встречи я оторопел. Незнакомец показался с первого взгляда симпатичным и понравился мне. Сколько ушло секунд на отождествление увиденного с самим собой и осознание, что в зеркало не смотрелся почти год, не скажу. Было изумление и гипнотическая замороженность. «Что загляделся? Руки за спину, вперёд!»

По возвращении в камеру было не до чтения и не до разбора полетов-допросов.

Очень хотелось восстановить в памяти смотревшее на меня лицо. Если метод психоанализа ставит задачей помочь пациенту встретиться с самим собой, то лубянская сурдокамера в этом деле доказала свой эффект. Встреча с самим собой состоялась, и настолько успешно, что то, что принято обозначать «личностью», именно в этот период во мне выкристаллизовалось и оказалось жизнеспособным. Потрясающее же в уборной телесное обличье — всегда казалось, что оно и есть «я», — было отдельно и само по себе.

Метафизический вывод напрашивался: правильно Церковь отказывается объяснить, как произойдет в конце времён «воскрешение мёртвых», обещанное в Символе веры... Но предзнание того, что это будет совсем не то, что мы видим, бреясь по утрам, — меня посетило.

Остался нерешённым вопрос: были ли у космонавтов в сурдокамерах зеркальца для бритья? И если да, то, что эти предметы говорили им в ответ?

*Святослав Иванов*

## Довоенный мир в настольном календаре советского учителя на 1941 год

Купленная по случаю на книжном развале, эта книга вот уже несколько лет не даёт мне покоя. Нет-нет, да и нахожу её на полке, листаю пожелтевшие страницы, рассматриваю отпечатанные в две краски заставки со скупым добавлением красного и синего цветов, мысленно возвращаюсь в год её выхода в свет. Представляю, как человек, имеющий небольшой опыт работы в издательстве, с каким нетерпением ждали из типографии эту книгу все, кто с такой любовью работал над ней. А каким сокровищем эта своеобразная энциклопедия педагогических знаний могла стать для своих читателей, особенно в сельской глубинке! Но,

увы, всю эту радость и весь будущий успех этой книги у будущих читателей заслонила чёрной тучей пришедшая с западных рубежей война.

Эта книга — «Настольный календарь учителя на 1941 год», хорошо иллюстрированный солидный фолиант, с двухколоночным набором в 388 страниц. На обороте титула в предваряющем объявлении «От издательства» сказано: «Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР приступает с 1941 г. к ежегодному изданию большого «Настольного календаря учителя». Этим планам, по понятным причинам, не суждено было сбыться,



и проект, едва начавшись, закончился. Но в том роковом году инициаторы этого уникального издания были уверены, что рассчитанный главным образом «на учителей начальных школ, особенно сельских», календарь будет «содействовать всестороннему повышению квалификации учителя, поможет его идейно-политическому, научному, педагогическому и общекультурному росту».

Для меня очевидно, что редактор календаря учителя Е. И. Перовский и члены редакционной коллегии О. Ф. Леонова и Н. А. Сундуков в своей работе ориентировались на знаменитый дореволюционный ежегодный «Русский календарь», инициатором которого, редактором и составителем был знаменитый журналист, издатель, литератор и общественный деятель Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912). Конечно, суворинский календарь был намного богаче по содержанию. Достаточно сказать, что, к примеру «Русский календарь на 1901 г. А. Суворина» (тридцатый от начала издания год) открывался целым набором разного рода календарей. Главный из них, конечно, православный календарь с указанием непроступственных дней, дней замечательных событий, времени восхождения и захождения солнца, луны и планет в С.-Петербурге и Москве. Вслед за этим помещены римско-католический, армяно-григорианский, протестантский, магометанский и еврейский календари. За ними следовали обширный астрономический отдел и метеорологический календарь. А также «хронология замечательных русских событий», справочная информация: «Российский Императорский Дом», «Императорские и королевские династии иностранных государств» и «Государя, и правители всех стран света». В Германии тогда,

кстати, правил Вильгельм II, император германский и король прусский. Среди непроступственных дней в 1901 году преобладали православные праздники. К примеру, начиная с 25 марта, воскресенья, Благовещенья Пресвятой Богородицы, непроступственными днями объявлялись: Великий четверг, Великая пятница, Великая суббота и дни Святой Пасхи (1–3 апреля). Вот с таким размахом в императорской России праздновали Воскресенье Христово. Непроступственными были дни тезоименитства и рождения членов царствующей семьи. Особенно богатым в этом плане был май: 6. Воскресенье. Рождение Государя Императора, 14. Понедельник. Коронавание Государя Императора, 26. Пятница. Рождение Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. В том же мае 1901 года (свидетельство имперского сознания!) отмечались дни взятия Самарканда, Ардагана, присоединение к России Ахалтекинской территории, покорение Дербента, взятие Нарвы, Ходжента, Хивы... Среди замечательных дней отмечено и 26 мая. В этот день в 1848 году умер знаменитый критик Виссарион Григорьевич Белинский. А вот его день рождения, 30 мая по старому стилю, в 1901-м ему исполнилось бы 90 лет, никак не обозначено. В православной стране человека поминали в день смерти, а праздновать круглые даты со дня рождения не было принято.

Зато спустя 40 лет, в стране Советов, «неистовому Виссариону» отдали должное. В 1941 году отмечали 130 лет со дня рождения Белинского. Упоминаю его не только поэтому. И не только потому, что нынче, в 2011 году, мы отметили 200 лет со дня его рождения.

Фигура Белинского, как ни крути, является ключевой на распутьях русской истории. Некогда он написал



такие слова: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науку и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества...» В каком-то смысле календарь учителя на 1941 год и позволяет заглянуть в Россию, о которой мечтал великий критик, проверить пророчество Белинского.

Итак, настольная книга учителя страны, которую провидел великий критик, открывает табель-календарь на 1941 год с маленькой сноской. «Праздничные и нерабочие дни: 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря». Поскольку табель-календарь отпечатан в чёрно-белых тонах, то важно здесь прояснить ситуацию с нерабочими днями. С начала 1930-х годов в Советском Союзе была установлена шестидневная рабочая неделя при семичасовом рабочем дне. Шестидневка имела фиксированный день отдыха, приходящийся на 6, 12, 18, 24 и 30 число каждого месяца (1 марта использовалось вместо 30 февраля, каждое 31 число рассматривалось как дополнительный рабочий день). А 26 июня 1940 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений». Предваряло Указ «Обращение Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов ко всем рабочим и работницам, инженерам, техникам и служащим, ко всем членам профессиональных союзов». «Вторая империалистическая война, — говорилось в нём, — уже захватила в свою орбиту больше половины населения земного шара. Во всём капиталистическом мире — в Европе и Азии, Америке, Африке и Австралии — промышленность, транспорт, сельское хозяйство целиком подчинены интересам войны. До отказа завинчен пресс капиталистической эксплуатации, рабочий работает по 10–12 и больше часов в сутки, отменены все воскресные и праздничные дни. Путём такой всеобщей военизации хозяйства империалистические государства колоссально повысили производство всех видов вооружения. Таким образом, возросла военная опасность для нашей страны; международная обстановка стала чревата неожиданностями. В этих условиях наша страна, верная политике мира, обязана в интересах народов СССР ещё больше усилить свою оборонную и хозяйственную мощь. Наша страна не может быть менее подготовлена в производстве предметов вооружения и других необходимых товаров, чем капиталистические страны. <...> Мы обязаны напрячь все силы для дальнейшего развития индустрии, для укрепления нашего государства. Нам нужно больше металла, угля, нефти, больше самолётов, танков, пушек, снарядов, больше паровозов, вагонов, станков, автомобилей, больше продукции всех отраслей нашего народного хозяйства!» В конце обращения ВЦСПС выражал уверенность, что рабочие и работницы, инженеры, техники и служащие, «честно выполняют перед социалистической Родиной свой долг, проявят новые образцы трудового героизма в борьбе

за дальнейшее укрепление экономического и оборонного могущества великой страны социализма, в борьбе за новые победы коммунизма, в борьбе за великое дело Ленина — Сталина».

Согласно Указу, в СССР с 27 мая 1940 года продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях с 7-часовым рабочим днём увеличивалась до 8 часов; на работах с 6-часовым рабочим днём, за исключением профессий с вредными условиями труда, — до 7 часов; для служащих учреждений и для лиц, достигших 16 лет, — с 6 до 8 часов. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения перешли на семидневную неделю. Седьмой день недели — воскресенье — стал днём отдыха. Увольнение по собственному желанию было запрещено. Самовольно ушедшие предавались суду и по приговору народного суда подвергались тюремному заключению сроком от 2-х до 4-х месяцев. Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. Семидневку отменили только после войны в 1946 году, а уголовную ответственность за опоздание — в 1956-м.

После табель-календаря, в настольной книге учителя опубликован «календарь январь–декабрь (с памятными датами на каждое число)», с красочными заставками на каждой странице с сюжетом, посвящённым главному празднику месяца. Для начала перечислим названия «праздничных и нерабочих дней», упомянутых выше. 22 января страна отмечала День памяти В.И. Ленина и 9 (22) января 1905 года («Кровавое воскресенье»). Вот такое странное по сегодняшнему времени сочетание. Хотя улицы имени 9 января до сих пор есть почти во всех городах России. 1 мая тогда отмечался как День международной боевой пролетарской солидарности. Мы его помним как День международной солидарности трудящихся и как День весны и труда. Но для того времени интерпретация 1 мая в пользу «боевой солидарности», по-видимому, не случайна. 7 ноября — XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 5 декабря — День Конституции, с пояснением: «Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов (1936) утверждена Сталинская Конституция СССР». Заметим, что Новый год как праздник в календаре отсутствует (1 января отмечался день отмены рабства в США в 1863 году), а День Красной Армии и Международный коммунистический женский день в число нерабочих не входили. Интересно сравнить, что общего с суворинским календарём сохранил календарь учителя. Таких дат я насчитал бесспорных две — день смерти А.В. Суворова 18 (6) мая и основание Петербурга 27 (16) мая 1703 года. Третьим совпадением можно считать день рождения и смерти В.Г. Белинского, хотя по новому стилю эти даты и переехали на июнь. Но, в отличие от суворинского, календарь учителя за основу берёт день рождения критика, 13 июня, и указывает напротив этой даты: «1811 — Родился В.Г. Белинский, великий русский

критик и публицист, революционер-демократ. Умер в 1848 г. 7/VI». Далее в разделе «Юбилейные даты» в подразделе «Знаменитые писатели, поэты и критики» по случаю 130-летия со дня его рождения опубликованы две статьи о Белинском. Есть смысл сравнить и то, как поданы дни рождения руководителей страны. В суворинском календаре, как мы помним, 6 мая обозначено так: «Рождение Государя Императора». В календаре учителя напротив 22 декабря сказано: «1879 — Родился И. В. Сталин, гениальный продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина, генеральный секретарь ЦК ВКП (б), вождь народов СССР и трудящихся всего мира».

Однако вернёмся в май 1941 года, и посмотрим, какими памятными для советского человека событиями он был заполнен. В первую очередь отметим День печати, который советские журналисты праздновали 5 мая, в день выхода первого номера газеты «Правда». Из исторических событий отмечены начало всеобщей забастовки английского пролетариата, падение Парижской коммуны, начало организации Красной гвардии в Петрограде, открытие в Лондоне V съезда РСДРП, а также открытие XIII съезда РКП (б). Есть чисто школьные даты: награждение орденами и медалями СССР особо отличившихся сельских школ, публикация постановления о структуре начальной и средней школы. Преобладают среди памятных событий дни смерти и рождения. При этом первых больше. По-видимому, не изжита была ещё дореволюционная традиция. Календарь отметил дни рождения Карла Маркса, Н. И. Новикова, Карла Линнея, Роберта Оуэна, Н. И. Мечникова, Анри Барбю, Жана Поля Марата, и дни смерти — И. К. Айвазовского, Шолома Алейхема, Томаса Кампанеллы, Сен-Симона, Христофора Колумба, Вольтера, Г. В. Плеханова...

Естественно, официально и широко страна отмечала только революционные праздники. Об их содержании, идеологическом наполнении рассказывает статья С. М. Шитика «Революционные праздники в начальной школе», помещённая в разделе «В помощь самообразования учителя». Праздники автор рассматривает как одно из «существенных средств коммунистического воспитания». Они воспитывали в детях «любовь к родине, революционную бдительность, мужество, честность», «качества, свойственные истинному борцу за дело Ленина — Сталина». В статье подробно изложена технология подготовки праздников, примерный план проведения их, содержание торжественной части и художественной.

В День Рабоче-Крестьянской Красной армии рекомендовано было читать стихотворение О. Высотской «Наша песня», которое заканчивается так:

*Дорогой товарищ Сталин, —  
Пусть пройдёт немного дней —  
Мы защитниками станем  
Милой родины своей.*

А стихотворение И. Добровольского читалось в таком порядке:

*Вожатый. Нам грозят войны пожаром,  
Но ответ врагу суров!  
Бить врагов двойным ударом  
Будь готов!  
Все. Всегда готов!*

«1 Мая — смотр революционных сил международного пролетариата». Растущим «в свободной стране», окружённым «постоянным вниманием и заботой всех трудящихся», советским детям сначала следовало рассказать, «как плохо жилось прежде рабочим, деревенской бедноте, «инородцам», а потом внушить, что угнетённые народы смотрят на Советский Союз как на маяк, указывающий им «путь к освобождению от гнёта капитала». Докладчик, рассказывающий с трибуны «о борьбе зарубежных братьев», достижениях и задачах страны Советов, свою речь должен был закончить призывом: «Ребята! Продолжить и завершить великое дело Ленина — Сталина будьте готовы!». Дети отвечали: «Всегда готовы!» Затем хором пели «Интернационал», «Песню про Сталина». Декламировали:

*Один. На площадь выходят стальными рядами  
Могучие танки в тяжёлой броне.  
Их сделали сами своими руками  
Все. Советские люди в Советской стране!*

Празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции призвано было «помочь воспитанию в детях советского патриотизма и пролетарского интернационализма». На празднике раскрывалось «безотрадное прошлое царской России, её исключительная отсталость, бедность» — с одной стороны, и «блестящий путь побед, пройденный трудящимися Советской страны под руководством партии Ленина — Сталина», с другой. После краткого доклада о значении праздника, под марш на сцену выходила «группа детей-отличников учебы, одинаково одетых». Выстроившись в шеренгу, они декламировала:

*Первый. Кремлёвские звёзды  
Над нами горят —  
Повсюду доходит их свет!  
Хорошая родина есть у ребят  
И лучшие той родины  
Все. Нет!  
Первый. Мы пляшем, поём  
И смеёмся сейчас —  
Нам радостно жить  
На земле!  
И всё потому,  
Что о каждом из нас  
Все. Заботится Сталин в Кремле!  
Первый. Мы чудесно живём!  
Второй. Мы цветём, мы растём,  
Третий. Дни счастья настали.  
Первый. Нас к победам ведёт  
Всё вперёд и вперёд  
Наш родной и любимый Сталин!*

День Конституции праздновался в том же духе. Читали «Песню о Сталине» Б. Турганова, стихи С. Михалкова «Это — наше»:

*Я смотрю по сторонам:*

*Это — наше!*

*Это — нам!*

*..... ..*

*Эти самые родные*

*Наши звёзды на Кремле!*

Проводился конкурс костюмов и плясок. Победителям вручали подарки и гостинцы. В своих рекомендациях автор рекомендовал: «После премирования руководитель проводит с детьми заключительную игру, которая переходит в марш с пением и заканчивается общим хоровым приветствием всей массы детей:

*Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»*

После развёрнутого календаря, с графическими заставками, посвящёнными главному празднику каждого месяца, следовала статья профессора В. К. Никольского «Из истории нашего летосчисления». Автор напоминал, что «новый стиль» введён у нас декретом Советского правительства в 1918 году. Но главный пафос статьи заключался в следующем: «Не только верующим, но и многим неверующим кажется непонятным, как можно считать годы от события, которого в действительности никогда не было». И в конце статьи следовал вывод: «Не подлежит сомнению, что когда в близком будущем весь нынешний календарь и всё международное летосчисление подвергнутся очистке от церковных влияний, то будет сдана в музей и мифическая эра — “от рождества христового”. Другие статьи на календарную тему («Время и его измерение», «Как узнать время захода и захода солнца в данном месте», «Что наблюдать на небе в 1941 году», «Наблюдения над сезонными явлениями природы», «Темы сезонных наблюдений над птицами») носят сугубо познавательный характер. Профессор П. И. Попов с гордостью пишет, что «Союз ССР распространился на одиннадцать часовых поясов, т. е. опоясывает по долготе почти половину земного шара». Рассказывает о происхождении декретного времени. Оказывается, 16 июня 1930 года Совнарком СССР именно декретом, в целях более рационального распределения электроэнергии, предписал перевести часы поясного времени на 1 час вперёд.

«Юбилейные даты» — самый обширный раздел настольного календаря учителя. Открывался он подразделом «Из истории международного революционного движения», и первая в нём статья М. Зоркого «Женевский конгресс I Интернационала» была посвящена 75-летию со дня его открытия.

Конгресс этот открылся 3 сентября 1866 года в Женеве, в присутствии 60 делегатов от Англии, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии. А предшествовала ему, как пишет автор, «двухлетняя борьба Маркса за создание и укрепление первой международной пролетарской партии». Это была следующая ступень дела,

начатого «Марксом и Энгельсом в «Союзе коммунистов» (1847–1852). Что эта за борьба, Зоркий не уточняет, хотя речь идёт собственно о генезисе той идеи, которая потрясла весь мир, но перевернула вверх дном на тот момент только Россию.

Хотя Маркс, как пишет М. Зоркий, не принимал участия в работе I Интернационала, «на деле уже с 1864 года участвовал в определении всей политической линии Интернационала». Им были написаны «Учредительный манифест» и временный устав Международного товарищества рабочих и конкретно к конгрессу «Инструкция делегатам Центрального совета по отдельным вопросам». В программных документах Интернационала Маркс подчёркивал, что «завоевание политической власти стало... великою обязанностью рабочего класса». В статье Зоркого Маркс предстаёт как великий архитектор «нового мира», по чертежам которого этот мир строится в реальности под руководством Ленина — Сталина в СССР. В своей «Инструкции» Маркс даже «в сжатой форме дал первый набросок основных принципов новой, коммунистической педагогики». Взгляды Маркса на диктатуру пролетариата, как на единственно возможный рычаг общественного переустройства, на кооперацию (кооперативно-колхозная собственность как одна из форм социалистической собственности закреплена в Сталинской Конституции), на профсоюзы, которые стали в стране Советов приводными ремнями партии, нашли своё развитие у его «верных последователей». На самом конгрессе, кстати, шла ожесточённая дискуссия с прудонистами. Единогласно было принято лишь предложение Маркса «о всеобщем вооружении народа и всеобщем обучении пользованию оружием». Конгресс также постановил отметить в протоколе, что все делегаты «сходятся в необходимости освободить человечество от уз религиозных предрассудков». Конгресс утвердил вводную часть подготовленного Марксом устава, где есть и такие моменты. На вопрос, почему до сих пор «борьба рабочих не привела к освобождению», даётся ответ: «вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран». Поэтому был принят пункт устава, где говорилось, что одна из целей руководства — «когда потребуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно». Заканчивалась статья Зоркого так: «Дело Международного товарищества рабочих продолжает международная коммунистическая армия, борющаяся под знаменем Ленина — Сталина». У читателя складывалось впечатление, что, несмотря на то, что СССР единственная страна, строящая коммунизм, рабочие всего мира всецело солидарны с ней.

Статья «Парижская коммуна. К 70-летию со дня провозглашения» профессора А. Анекштейна подробно рассказывает о первом опыте «построения пролетарского государства — диктатуры пролетариата». В конце статьи, переходя к выводам, автор особо от-

мечает тот факт, что Парижская Коммуна «проявляла крайнюю нерешительность и робость в применении террора и насилия к своим врагам» и французский пролетариат, по замечанию Ленина, «вместо того, чтобы приступить к экспроприации экспроприаторов, увлёкся мечтами о водворении высшей справедливости». (Опять сказалось влияние зловердных прудонистов с их теорией «справедливого обмена».) «Наши великие вожди Ленин и Сталин», конечно, учли эти ошибки. Заканчивает профессор Анекштейн цитатой Сталина: «Республика Советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является её развитием и завершением». Таким образом, статья призвана была не просто на фоне Парижской Коммуны показать гениальность вождей Октябрьской революции, но и подчеркнуть историческую неизбежность и легитимность советской власти.

«Народное просвещение в Парижской Коммуне» — так называлась вторая юбилейная статья, посвящённая той же дате. Её автор С. Фрумов подробно рассказал, как французские коммунары «в обстановке ожесточённого сопротивления церковников» создавали новую школу. И делал вывод: «Историческая заслуга Парижской Коммуны в области народного образования состояла в том, что она впервые в истории «взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения» — «силу попов»...

Раздел «Из истории ВКП (б)» представлен статьёй Н. Елизарова «К двадцатилетию X съезда РКП (б)», который состоялся в марте 1921 года в Москве и принял для преодоления «внутреннего политического кризиса» важнейшие решения. На съезде шла ожесточённая борьба вокруг профсоюзов. «Застрельщиком её, — пишет Елизаров, — выступил иуда-Троцкий, этот убитый в прошлом году своими сторонниками международный шпион, провокатор и авантюрист». В результате решений X съезда, партия «обеспечила своё железное единство, добилась победы социализма в нашей стране и теперь уверенно ведёт народы Советского Союза к полному торжеству коммунизма».

«Знаменитые деятели науки и техники». Михаил Васильевич Ломоносов (в 1941-м отмечали 230 лет со дня его рождения) — «живое воплощение способностей великого русского народа, так широко развернувшихся в сталинскую эпоху».

Отмечена в юбилейном разделе и пятилетняя годовщина со дня смерти Горького. «А. М. Горький умер 18 июня 1936 г., злодейски умерщвлённый подлыми троцкистско-бухаринскими агентами». В календаре представлены также знаменитые педагоги, музыканты, путешественники. Но есть смысл перейти в «Отдел педагогический» к статье И. Богданова «Народное образование в СССР». В ней приводились впечатляющие цифры роста и сообщалось, что источником увеличения финансирования служила также «плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специ-

альных заведениях и вузах, установленная постановлением СНК СССР с 1 сентября 1940 г.»

Следом опубликована речь народного комиссара просвещения РСФСР тов. Потёмкина В. П. на третьей сессии Верховного Совета РСФСР I созыва (опубликована в «Учительской газете» 1 июня 1940 года). Отметив, что «империалистическая война разгорается в грандиозный мировой пожар» и «в так называемых “демократических” державах физически истребляются сотни тысяч молодёжи», Потёмкин воскликнул: «Как не оценить, товарищи депутаты, мудрой политики, предохранившей нашу родину от вовлечения в эту кровавую бойню! Как не чувствовать глубочайшей признательности и горячей любви к тому, чьё руководство обеспечивает нам безопасность... Всем этим, товарищи депутаты, мы обязаны нашему Сталину!»

Заставка к «Отделу антирелигиозному», пожалуй, может служить символом ко всему изданию. Под лозунгом «Религия — опиум народа» изображена обезглавленная церковь. Над воротами её вывеска «Клуб», и над ней пятиконечная звезда. Вместо трёх куполов развеваются три флага. Ну, а в своей статье «Происхождение и реакционная сущность христианских праздников» Н. Румянцев добросовестно пытается доказать, что религиозные праздники вредны прежде всего тем, «что они оживляют и поддерживают у отсталой части трудящихся религиозные, а следовательно, реакционные настроения», а также тем, «что они расшатывают трудовую дисциплину и наносят ущерб народному хозяйству». Далее автор приводит факты того как, к примеру, «праздник “троицы” всё ещё играет реакционную роль, отвлекая собой многих от срочных работ и сопровождаясь традиционным пьянством». Приводится цитата из газеты «Безбожник» от 11 июня 1939 г.: «В колхозах “Гигант”, “имени Политотдела”, “Путь к социализму”, “Зелёная роща”, “Красная поляна” и “имени Кирова” (Орловский район Орловской области) на два дня остановилась работа из-за поповского праздника троицы... В колхозе “8 марта” (Погорельский район Калининской области) сев затянулся... Три дня подряд колхозники праздновали троицу. Бригадир Е. Бабкин и К. Коновалов из колхоза “Заветы Ленина” (Мичуринский район Ростовской обл.) перепившись на троицу, так избили конюха А. Титова, что его пришлось ночью везти за семь километров в амбулаторию». «Вот к чему приводит иногда “троица”!» — восклицает автор. И добавляет, что к тому же «на “троицу” из-за дикарского обычая “завивать берёзку” ежегодно уничтожается масса молодого березняка...»

\*

В 1941 году, — сообщал календарь, — летнее солнцестояние — начало лета — наступит 23 июня в 23 часа. А полное солнечное затмение на территории страны будет наблюдаться 23 сентября 1941 года. К этому времени Красная армия уже оставит Киев...

Воронеж  
22 июня 2011 года

Дмитрий Воробьевский

## Дезертиры

**70** лет назад началась война между двумя самыми преступными и кровавейшими режимами в истории человечества. За два года до этого они, как известно, завели между собой официальную дружбу, поделив почти всю Европу на свои «сферы влияния» (т.е. на зоны последующей оккупации), совместно и почти одновременно напав на Польшу и даже проведя затем совместный «парад победителей» в городе Бресте.

На мой взгляд, даже не очень важно, прав ли известный писатель Виктор Суворов (а лично я склоняюсь к тому, что прав), доказывающий с помощью огромного количества разнообразных фактов, что Гитлер лишь на несколько недель опередил Сталина в развязывании войны между их диктаторскими режимами. В любом случае, война между ними и, особенно, методы её ведения, разумеется, ничуть не улучшили сугубо преступный характер этих режимов.

О зверствах гитлеровцев в ходе той войны написано очень и очень много. А про примерно столь же зверские и столь же кровавые преступления сталинского режима в те военные годы почему-то принято говорить и писать гораздо меньше. Видимо — исходя из давнего «принципа»: «Победителей не судят»...

Даже про сопровождавшееся бесчисленными убийствами (вплоть до сожжения целых сёл вместе с их жителями) и вообще граничившее с геноцидом выселение в годы той войны в Сибирь и Казахстан многих кавказских, крымских и прочих народов знают далеко не все в нынешней России, особенно среди молодёжи. Про истребление мирного населения Восточной Пруссии, сопровождавшееся и массовыми изнасилованиями, и прочими зверствами, тоже далеко не все нынешние россияне хотя бы слышали. Да и многие из тех, кто слышал, считают это, если судить по разным форумам в Интернете, либо «злой клеветой», либо, так сказать, «законным отмщением агрессору»... Увы, подобных примеров можно приводить ещё жуткое количество, хотя я, конечно, вовсе не утверждаю, что все участники войны замешаны в этом. В качестве довольно характерных примеров приведу ещё лишь два малоизвестных, так сказать, «эпизода».

Примерно лет десять назад журналист радио «Свобода» Анатолий Стреляный обнаружил в эфире письмо радиослушателя — участника той войны, решившего на склоне лет поведать миру о том, как в их фронтową дивизию однажды прислали подкрепление из почти тысячи призванных в армию представителей какого-то восточного народа (возможно, казахов или бурятов, но точно, увы, не помню), вообще не понимавших по-русски практически ни слова. Когда началась бомбёжка, они побежали прятаться в ближайший лесок. Никакие команды начальства они понять не могли, и тогда это самое начальство приказало открыть по ним огонь из пулемётов, как, мол, по дезер-

тирам. В результате, все или почти все они были убиты рядом с тем леском, а кровь не в переносном, а в буквальном смысле текла рекой...

А про второй «эпизод» я читал и слышал из разных источников раза три или четыре (упомянуто о нём, например, в военных воспоминаниях фронтовой медсестры Евдокии Акованцевой, опубликованных чуть больше года назад в газете «Воронежский Курьер»). Он заключается в том, что во время многомесячной Сталинградской битвы мирным жителям Сталинграда, которых оставалось там, как минимум, многие десятки тысяч, было по каким-то причинам фактически запрещено эвакуироваться в тыл, через Волгу. (Вроде бы кто-то «наверху» решил, что пустой город солдаты не будут так упорно защищать, как город, населённый жителями.) В результате после той чуть ли не крупнейшей в мировой истории битвы почти никого из тех жителей Сталинграда не осталось в живых, и огромная их часть погибла даже не под немецкими бомбёжками и артобстрелами, а от рук как бы «своих», расстреливавших из пулемётов и автоматов тех, кто пытался переплыть Волгу, т.е. эвакуироваться из горящего и разбомблённого Сталинграда...

Конечно, далеко не все, получившие в годы войны приказ участвовать в подобных зверствах, в подобных военных преступлениях, выполняли эти преступные приказы. (А к этим военным преступлениям, кстати, можно отнести и нередко практически бессмысленные с военной точки зрения бомбёжки и артобстрелы жилых кварталов занятых нацистами городов, в результате которых погибли даже не тысячи, а, судя по всему, миллионы мирных жителей.) Однако невыполнение этих приказов очень часто означало немедленный расстрел — по «законам военного времени». По тем же «законам» действовали и НКВДшники так называемые «заградотряды», расстреливавшие самовольно отступавших солдат или тех, кто отказывался идти в очередную атаку — нередко в совершенно бессмысленную и самоубийственную... Впрочем, и в довоенное «мирное» время советские «законы» и вообще порядки не очень отличались от вышеупомянутых. Вроде бы, это уже давным-давно общеизвестно. Тысячи подробных документальных книг и десятки тысяч статей изданы на эту тему. (Среди этих тысяч можно, например, без труда найти в Интернете потрясающие воспоминания о «раскулачивании» вышеупомянутой Евдокии Акованцевой.) Однако почему-то до сих пор вроде бы принято считать, что, несмотря на немислимо жуткий сталинский террор, успешно конкурировавший по количеству невинных жертв с гитлеровским, в СССР все как один должны, мол, были беспрекословно выполнять все приказы сталинского режима, во всяком случае — начиная с 22-го июня 1941 года. А те, кто не простил этому режиму его многомиллионных кровавых преступлений и отказался выполнять его приказы, —

это, мол, исключительно «предатели», «труссы» и «дезертиры», недостойные даже воспоминаний о них... Например, несколько раз я читал в разных документальных источниках — причём пишется об этом обычно без малейшего сожаления — что в лесах одной лишь маленькой Мордовии в годы войны и в несколько последующих лет войсками НКВД были истреблены многие тысячи «дезертиров», не пожелавших идти воевать за Сталина и его режим (многие из которых даже и не дезертировали ниоткуда, а просто ушли в лес, получив военкоматовские повестки)... Конечно, можно рассуждать о том, что солдаты воевали, мол, не за Сталина, не за его систему, а за российский (или

советский) народ. Однако советская армия всё же выполняла сталинские приказы и несла в Европу не только избавление от гитлеровщины, но и, увы, установление сталинщины...

В общем, ничуть не оскорбляя никаких ветеранов, я хотел бы напомнить о, как минимум, миллионе человек в СССР, которые, фактически не совершив никаких реальных злодеяний, были расстреляны или просто убиты в лесах в сороковые годы за так называемое «дезертирство», т. е. за отказ служить режиму, истребившему в тридцатые (да и в более ранние) годы миллионы их близких и дальних родственников...

*Александр Гогун*

## Карьера по обе стороны фронта

**З**акон в России абсурден и попирается как угодно. Утверждение «если уж посадили, то вряд ли выпустят» — спорно. Продолжение советской, порой кафкианской традиции, подарившей истории поразительные примеры, подсказывает: всё в России может быть, даже то, чего быть не может. Парадоксально, но далеко не все, выпущенные при Хрущеве и посаженные при Сталине, были невинными. Это показывает ставшая недавно доступной в архиве СБУ (Службы Безопасности Украины) поистине захватывающая история приключений служащего двух самых известных тоталитарных режимов XX века.

Иван Хитриченко родился 25 октября 1903 года в с. Веприк Радомышльского района Житомирской области. В годы Гражданской войны и нэпа мирно трудился простым рабочим на лесозаводах, а также кочегаром на железной дороге. С 1925 по 1928 гг. прошёл срочную службу в Красной армии, где вступил в партию, после чего решил пойти в милицию. Будто предвидя разгром села, годы коллективизации и Голодомора, Хитриченко прожил в крупных городах — Киеве и Николаеве. Причём, используя партийный статус, без профессионального образования он смог стать помощником начальника по политчасти киевского городского управления НКВД.

Впоследствии капитан Драгенко, один из бывших руководителей Хитриченко, дал ему положительную характеристику: «...Политически развит, над повышением своего политического уровня работает, в партийно-массовой работе принимает активное участие. Дисциплинирован, выдержан, имеет способности руководить подчинённым составом, пользуется авторитетом среди личного состава и у населения. За период работы в 10 отделении милиции добился уменьшения уголовных проявлений на территории отделения, проводит активную борьбу с нарушителями паспортного режима, со спекуляцией и хищением социалистической собственности, лично занимается вербовкой агентуры и работает с ней».



*Иван Хитриченко во время войны успел послужить начальником райуправления НКВД, агентом СД, офицером охранной полиции и партизанским командиром, а также побывать в местах лишения свободы в германском и советском тылах.*

Однако дальнейшую карьеру Хитриченко продолжил «на гражданке». В 1934–1936 гг. он был сначала заместителем начальника политотдела машинно-тракторной станции по партийно-массовой работе в местечке Городок Каменец-Подольской области, а потом — заместителем директора по политчасти того же самого учреждения. В 1936–1938 гг. Хитриченко дослужился уже до номенклатурной должности, став секретарём райкома компартии Украины в городке Дунаец той же самой Каменец-Подольской (сейчас Хмельницкой) области. Посоучаствовал в «Великой чистке» 1937–1938 гг., в основном с помощью выявления, ареста и высылки бывших уголовников, ушлый



карьерист сам угодил под следствие. Но даже в ежовщину ему удалось выкрутиться. Более того, «управленец широкого профиля» вернулся в столицу Украины, где с 1938 по 1940 г. работал сначала начальником электромеханического цеха на Керамическо-Художественном заводе, а потом техническим инспектором ЦК союзов фарфорово-фаянсовой промышленности Украины.

Очевидно, Хитриченко тянуло к униформе. С апреля 1940 г. он вернулся в органы, и советско-германскую войну встретил в должности начальника Кагановического районного управления НКВД г. Киева.

Жена с дочерью успели эвакуироваться, а сам Хитриченко оказался в плену. Напомним, что из взятых немцами в плен летом-осенью 1941 года большинство не пережило зиму. Однако непотопляемый фигурант взял себе фальшивую говорящую фамилию «Зайченко». Далее, по его же словам, он был выпущен по подложной справке из лагеря и вернулся на малую родину — в Житомирщину. В период, когда Вермахт одерживал оглушительные победы, даже оставленные для работы в тылу противника коммунистические функционеры сидели тише мышей. А Хитриченко проявил инициативу и, активизировав деятельность местного подполья, фактически его расконспирировал. Более того, он создал партизанский отряд под своим руководством, и... формирование было уничтожено оккупантами во время первого же сбора. Сам «Зайченко» удивительным образом не пострадал, а вернулся в столицу Украины, где возглавил подразделение охранной полиции, сторожившей лагерь военнопленных.

Находясь на службе у нацистов, Хитриченко, не скрывая самого факта коллаборации, вступил в киевское подполье, после чего в нём последовала серия провалов. Столичные коммунисты обвинили полиция в работе на германскую службу безопасности — СД и приговорили к смерти. И это были не пустые угрозы — в 1941–1943 гг. представители советской стороны неоднократно осуществляли убийства реальных или мнимых «предателей» в городах, находившихся под немецкой оккупацией.

То ли из-за желания унести ноги от руки Москвы, то ли в предчувствии «коренного перелома в войне» изворотливый Хитриченко в период наступления Красной армии под Сталинградом бежал на территорию украинско-белорусского Полесья. Спустя несколько месяцев блужданий бывший милиционер встретился с пришедшим с Левобережья Украины командиром Сумского партизанского соединения Сидором Ковпаком, которому наплёл о собственных заслугах по организации партизанской борьбы. Вдохновлённый Ковпак самовольно назначил Хитриченко командующим партизанским движением в Киевской области. После этого бывший полиция, назвавшись уполномоченным ЦК КП(б)У, сумел подчинить себе несколько небольших отрядов Киевщины. Вскоре находившийся в тот момент в Москве Украинский штаб партизанского движения утвердил Хитриченко командиром Киевского партизанского соединения им. Хрущёва.



Во время следствия, 1944 г.

На новом посту он отличался особой жестокостью по отношению к бывшим коллаборационистам, в том числе оказавшимся в партизанах. В частности, организатор Розважеской районной полиции Марк Савченко, позже создавший партизанский отряд и не скрывавший своего прошлого, был расстрелян Хитриченко только за то, что запрещал партизанам убивать пленных немцев и не справлялся с дисциплиной во вверенных подразделениях. И это был не единственный подобный случай. Не исключено, что таким образом командир устранял реальных или потенциальных свидетелей его деятельности в германских спецслужбах, или же, так сказать, мстил другим за свой бывший коллаборационизм.

Доходило до зверств. По свидетельству самого Хитриченко, «25 сентября [1943 г.]... мы подошли вплотную к райцентру [Ново-Шепеличи]... и в двухчасовом бою... заняли его... Мы расстреляли человек 40 полицейских... Наши ребята взяли живьём начальника жандармерии и двух жандармов. Интересно, как один мальчик принял участие в уничтожении жандарма, который расстрелял его отца. Мы подвесили [жандармов] веревками, а мальчик берёт солому из сарая, носит эту солому и поджигает, чтобы жандармы горели. И говорит: “Это за то, что он расстрелял моего отца”. И мы живьём их сожгли...

Одним из наших отрядов, Бородянский, применял такую тактику: у нас мало беззвучек (то есть ножей. — А.Г.), отряд имел дело с палачами, агентами, шпионами. Они берут камень, цепляют к шее и вместо расстрела бросают с камнем в речку...

Для расстрела существовал комендантский взвод. Но некоторые товарищи рвались [сами] расстреливать... Капитан армейский Лишевский (заместитель Хитриченко — А.Г.) столько расстреливал, что я запретил ему уже это делать, так как это отражается на нервной системе. Он лично расстрелял 12 человек из пистолета. За весь период нашей работы сколько гестаповцы ни засылали разных осведомителей, мы вовремя их расстреливали...» Согласно оперативному отчёту соединения, за время борьбы было убито в боях и казнено 320 казаков, старост, полицейских и агентов.

Нетерпимость к дисциплинарным нарушениям отдельных командиров сочеталась у Хитриченко с гедонизмом — от девушки, находившейся при штабе, он прижил дочь. В собственноручно утверждённом Лаврентием Берией документе значится, что командир соединения «... расстреливал ни в чём ни повинных партизан, вместо подготовки и проведения боевых операций он занимался пьянством». Да и к проступкам других подчинённых Хитриченко относился с удивительной толерантностью.

Например, в приказе по соединению за личной подписью бывшего милиционера значилось, что «В ночь с 14 на 15.6.43 г. сводной группой от партизанских подразделений была произведена продуктовая операция в сёлах Мирча, Меделеевка, Вышевичи... Операция прошла неорганизованно и походила на налёт, а не на законные действия партизан. В ходе операции личный состав сводной группы занялся изъятием у населения сметаны, молока, хлеба и водки, а боец взвода разведчиков мародёрством забрал часы». Провинившиеся партизаны отделались нагоняем.

Наиболее вопиющий случай попустительства разнузданности подчинённых можно найти в приказе Хитриченко по соединению от 5 сентября 1943 г., т. е. под конец оккупации: «20 августа при проведении хозяйственной операции в селе Гутомаретин Грищенко Е. изнасиловал девушку по имени Оля, арестованную по подозрению в шпионаже.

С целью сокрытия преступления Грищенко настаивал на расстреле этой девушки, хотя было установлено, что она не является шпионом. Грищенко Е., находясь в отряде, систематически избивал бойцов и граждан.

Приказываю:

Грищенко Е. Л. от занимаемой должности [начальника отделения] отстранить и перевести рядовым.

За допущенные преступления тов. Грищенко объявить строгий выговор с предупреждением».

После возвращения Красной армии всплыли «проделки» Хитриченко в 1941–1942 гг., но у следователей МГБ не нашлось прямого документального подтверждения тому, что Хитриченко в 1941–1942 гг. являлся агентом германских спецслужб. И расстреливать командира целого соединения, к тому же имени Хрущёва, возможно, было «не совсем удобно». Однако, поскольку его работа в полиции в 1942 г. сомнению не подлежала, он получил-таки 10 лет.

На этом история не закончилась.

После смерти Сталина с восшествием «на престол» Хрущёва усилилось политическое влияние партизанских вожakov Украины. Ковпак со товарищи ещё раз вступились за коллегу, партийное начальство дало соответствующие директивы, и прокуратура волевым решением объявила результаты расследования недействительными.

Будто заговорённый, Хитриченко вышел на свободу и ещё при жизни был зачислен в когорту официально почитаемых героев войны. Топонимика Украины пополнилась именем выдающегося авантюриста. В частности, в Киеве школа № 13 носит имя Ивана Хитриченко. Её директором долгое время работала родившаяся 9 мая 1944 г. дочь этого командира Людмила, которая создала там музей партизанской славы. По всей видимости, педагоги до сих пор не знают, что дети воспитываются на примере матёрого оборотня в погонах.

## КНИГИ И ЛЮДИ

*Владимир Губайловский*

### Третья сила

**В** книге Юрия Филипповича Луценко собраны его мемуары, документальные повести и очерки, и не только о Второй мировой, но и сталинских лагерях и жизни автора уже после лагеря — в мирном Советском Союзе. Но подзаголовок верен — Вторая мировая закончилась для Луценко не в 1945-м, когда была разгромлена фашистская Германия, а в 1991-м, когда закончилась Советская власть. И закончилась его личной победой.

Луценко родился в 1924 году. В 1941-м ему было 17, и он был нормальным комсомольцем — вторым секретарём комсомольской организации школы. Через три месяца после начала войны немецкая армия захватила Киев. То, что немцы — враги и с ними надо сражаться,

не подвергалось сомнению. Но то, что началось дальше, полностью смешало понятную оппозицию: наши против врагов. Оказалось, что «наши» хуже всяких врагов.

Луценко пишет: «шла партизанская война. Днём на глазах у всех партизаны взорвали одно из самых представительных зданий на Крещатике, где размещались в советское время административные службы». В доме погибло «с десяток немцев и многие сотни киевлян», которые пришли по приказу новой власти под угрозой расстрела сдавать радиоприёмники и охотничьи ружья. Центр города был заминирован советскими властями. Водопровод был взорван при отступлении, воды в городе не было. «Каждую ночь взрывалось несколько жилых зданий в самом центре — на Крещатике и прилегающих к нему улицах. Горело всё, что могло гореть. <...> Так подпольщики выполняли при-

<sup>1</sup> [Рец. на кн.:] Ю.Ф. Луценко. Политическая исповедь. Документальные повести о Второй мировой. — М.: Посев, 2011. — 429 с.

каз Верховного главнокомандующего о том, чтобы «под ногами врагов горела земля»».

Но горели и гибли мирные киевляне, те самые жители города, которых «Вождь украинских коммунистов Никита Хрущёв и командующий военным округом Семён Буденный» всего за несколько дней до сдачи города убеждали, что оккупанты в Киев не войдут.

Это по-большевицки: оставить жителей в городе, чтобы не обременять себя эвакуацией. Дома в центре заминировать. Водопровод взорвать. После того, как враг войдёт в город, планомерно уничтожать здания вместе с жителями.

А немцы начали проводить свою плановую работу — брать и расстреливать заложников. «А потом пришёл незабвенный день 21 октября. В Бабьем Яру по приказу военного коменданта города началось планомерное уничтожение евреев».

И советские власти, которые откровенно предали своих граждан, и оккупационные власти, проводившие свою политику «планомерного уничтожения», не могли вызвать ничего, кроме ненависти.

И абсолютно дезориентированные юноши и девушки оказались между молотом и наковальней. Оставалось только погибнуть. Вот только погибнуть хотелось осмысленно.

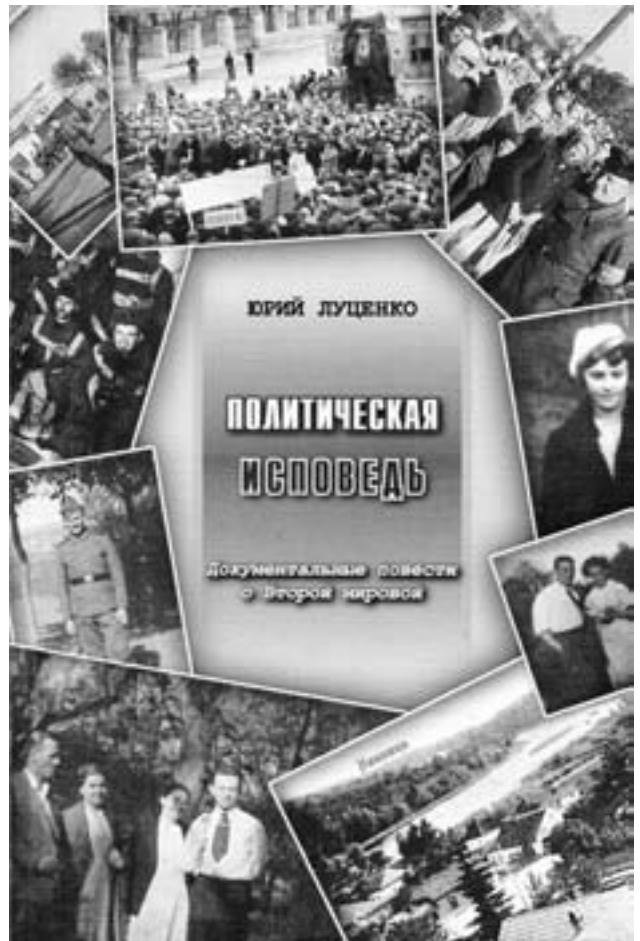
В 1942 году Юра Луценко впервые встретился с членом-инструктором НТС Александром Кишковским — крестником его матери, который приехал в Киев и остановился в их доме. Луценко пишет: «...он чётко обрисовал основу “Третьей силы” — именно такого политического направления, в поисках которого мы с друзьями так мучились».

Луценко с товарищами организуют группу НТС в Киеве. Они выступают за свободную от оккупантов Россию без коммунистов. На первый взгляд это слишком похоже не на программу, а на её отсутствие, потому что любая политическая программа предполагает оценку сил, необходимых для достижения поставленных целей. А если сил явно недостаточно, то политическая программа становится личным категорическим императивом.

Оказавшись между противоборствующих сил, какое-то время можно лавировать между ними и опираться на одну, чтобы бороться с другой. Так и поступали члены НТС, стараясь использовать силы немцев для борьбы с большевиками. Но это приводило и к арестам членов организации, которые проводило гестапо. А больше рассчитывать было не на что и не на кого.

Когда советские войска приблизились к Киеву, Луценко, его родным и друзьям пришлось уезжать на запад. Но не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы продолжать борьбу.

В мае 1943 года с благословения Совета НТС была организована Народно-революционная партия. В её листовках «...открыто безо всяких недомолвок новая программа названа основой “Третьей силы”, а основными противниками её — врагами народа — как коммунисты, так и фашисты в равной степени. В листов-



ках рассказывалось о преступлениях перед человечеством тех и других, содержались призывы к борьбе за установление в новом Российском государстве демократического правления».

Центральный эпизод существования НРП: воспользовавшись разногласиями между гестапо и абвером и антигитлеровскими настроениями среди офицеров разведки, Луценко и его товарищи формируют диверсионную группу, которую немцы соглашаются забросить на советскую территорию. Группу спешно готовят в Кракове. 12 декабря 1944 года 12 человек десантируют в брянские леса. «Нас выбросили в слепую ветреную ночь почти на головы солдат контрразведки, МВД и “добровольцев” местной общественности, которыми был полон лес».

Люди оказались разбросанными по лесу. Кованые немецкие сапоги — а других не нашлось — оставляли на снегу характерный след. И всю группу очень быстро переловили. Они даже не отстреливались.

Если бы десантирование было отложено ещё хотя бы на месяц, оно бы просто не состоялось — немцам уже было не до подобных акций. На что надеялись члены группы? На то, что, по непроверенным слухам, леса полны отнюдь не «солдатами контрразведки», а партизанами, которые отказываются подчиниться советской власти, группе удастся с ними связаться и развернуть антикоммунистическую борьбу. Луценко и его товарищи «умирать ещё не собирались», и этот поступок не казался им самоубийственным, хотя таковым, безусловно, был.

Неужели нельзя было оценить и взвесить шансы на успех и понять, что такого рода операция бессмысленна и обречена? Вероятно, можно. Но зачем же тогда нужно было это делать?

Потом было следствие в Воронежской тюрьме и 11 лет лагерей. В 1956 году Луценко был освобожден по амнистии, но до самого конца Советского Союза находился под негласным надзором КГБ. Он выжил. В это трудно поверить. Он пережил ту власть, с которой боролся, и написал свою «Политическую исповедь».

22 июня 2011 года премьер-министр РФ Владимир Путин заявил: «Нет необходимости объяснять, почему любые попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, надругательство над памятью победителей — всё это очень остро воспринимается в нашем обществе».

Да, фальсификация — это плохо. С этим трудно не согласиться. Луценко в очерке «Десант третьей силы» приводит такой факт: «Журнал “Военно-патриотический курьер” (ВПК, № 6, 13.02.2008) и “Родная газета” сразу же ухватились за сюжет о том, как в 1944 году контрразведкой СМЕРШ была проведена “Радиоигра” с немецкой разведкой. В результате удачной операции на территории Брянской области было обезврежено и арестовано несколько десятков “диверсантов и шпионов”, которые были туда доставлены немецкими самолётами. Об этом доложили по инстанциям вверх — через Абакумова аж до самого Л. П. Берии. Для наглядности к статье прилагалась фотография одной из групп “диверсантов” перед вылетом».

На фотографии — группа Луценко. Снимок сделан через две недели после ареста. «Диверсантов» специально сфотографировали, чтобы отчитаться перед высоким начальством. Луценко пишет: «...нашим курсом

была борьба против ДВУХ равнозначных противников: как немецких оккупантов, так и советской власти в стране. <...> Наша программа была в основном кратким изложением теперешней Конституции РФ».

Так в чём же, с точки зрения сегодняшних журналистов, историков и властей, вина этих людей, которых так доблестно обезвредил героический СМЕРШ? И не является ли такой рассказ о «диверсантах и шпионах» самой обыкновенной фальсификацией истории Второй мировой войны?

Были люди, бросавшиеся в атаку с криком «За Сталина!», но были и другие. И им было куда тяжелее, потому что они не могли погибнуть ни «за Сталина», ни «за Гитлера». Но они остались честными перед самими собой и перед своей родиной. И надругательство над их памятью так же позорно, как и над «памятью победителей», — у них не было Дня победы, и им нечего праздновать 9 мая.

В 1932 году Владимир Набоков написал роман, герой которого ведет себя странно. Он говорит своему другу: «Дело в том, что я собираюсь нелегально перейти из Латвии в Россию, — да, на двадцать четыре часа, — и затем обратно». Друг не может его понять и не может поверить в подобный абсурд. А герой не может ему объяснить. Потому что любое объяснение — рационально, а поступок героя — бессмыслен. Он не имеет никакой цели, кроме одной — если герой его не совершит, он не сможет жить дальше. Герой пересекает границу, и никто никогда его больше не увидит. Роман называется «Подвиг».

Десант «Третьей силы» — это подвиг. Просто подвиг. А третья сила — это не сила власти, той или другой. Это — сила человека. Иногда ему удается увидеть свою победу, как удалось Луценко, но это случается редко.

НТС

## В Совете НТС

**4–5** июня 2011 г. в г. Москве состоялся очередной Совет Народно-Трудового Союза российских солидаристов. В заседании приняли участие: А. Р. Редлих (Германия), И. С. Батенев (Новосибирск), Р. Г. Гагкуев (Москва), В. Э. Долинин (Санкт-Петербург), С. П. Иванов (Воронеж), О. А. Кузнецова (Москва), Д. А. Руотси (Санкт-Петербург), В. А. Сендеров (Москва), Ю. С. Цурганов (Москва), А. Н. Шведов (Москва). Отсутствовали и передали свои голоса члены Совета Б. С. Пушкарёв (США), Д. Г. Рар (Германия); без передачи голоса М. В. Славинский (Германия), о. Виктор (Магдин) (Украина), В. Ж. Цветков (Москва).

Совет почтил молитвой память умерших за прошедший год членов и друзей Союза: Юрия Амосова, Беллы Ахмадулиной, Веры Коновец, Владимира Курдюкова, Николая Метёлкина, Анны Поповской, Людмилы Редлих, Алексея Ретивова, Льва Рудкевича, Галины Флёровой.

Председатель НТС А. Н. Шведов доложил Совету об общих результатах деятельности Союза за прошедший год, отметив такие направления деятельности, как:

- выпуск юбилейного «Посева», презентации, выступления в СМИ и другие мероприятия к 80-летию Союза и 65-летию журнала и издательства «Посев»;
- развитие Союзной идеологии в современных условиях и её распространение современными средствами информации;
- книгоиздательская деятельность и структурные изменения в издательстве «Посев»;
- сотрудничество с общественными организациями;
- политические позиции Союза в России на текущем этапе.

Председатель ИБ Совета Союза В. А. Сендеров сделал доклад об идейных тенденциях в активных слоях российского общества, о работе с кадрами Союза, новых формах организации Союзной деятельно-

сти в современных условиях, работе союзных печатных СМИ, взаимодействии с архивом НТС во Франкфурте-на-Майне (доклад публикуется в «За Россию» отдельно).

Главный редактор журнала «Посев» Ю.С. Цурганов рассказал о работе редакции, обозначив текущие задачи.

Ю.С. Цурганов информировал о подготовке конференции, посвящённой 20-летию Августовской революции, которая состоится в сентябре этого года в Москве по инициативе Ю.С. Цурганова с участием видных учёных и общественных деятелей, предположительно Ю.Н. Афанасьева, В.Л. Шейниса и др.

Совет выслушал сообщение исполнительного директора издательства Посев (НП «Содружество «Посев» — Москва) О.А. Кузнецовой о книгоиздании за прошедший год и планах текущего года.

Было отмечено следующее. За прошедший 2010 год изданы книги:

*Александров К.М.* Мифы о генерале Власове. — М.: Посев, 2010. — 256 с.: ил.

*Гончаров А.И.* Наградная система Российской Федерации. — М.: Посев, 2010. — 256 с.: ил.

*Князев Е.А.* Власть и святость в Древней Руси. — М.: Посев, 2010. — 432 с.

*Луценко Ю.Ф.* Политическая исповедь. Документальные повести о Второй мировой войне. — М.: Посев, 2010. — 432 с.: ил.

*Минаева Н.В.* Потаённые конституции России. — М.: Посев, 2010. — 224 с.

*Пушкарев Б.С.* Государство и экономика. Введение для неэкономистов. — М.: Посев, 2010. — 104 с.

*Сретенский В.М.* Псевдолотман. Историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». — М.: Посев, 2010. — 272 с.

В 2011 году запланировано к изданию:

*Борисов Д.* Колесниковщина. Антисоветское восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг.

*Базанов П.Н.* «Братство Русской правды»

*Сорокин Питирим.* Пути и сила любви. Социология сотрудничества, а не борьбы. Перевод с англ., редакция В.В. Сапова

*Уже вышедшие:*

*Аверченко А.Т.* Русское лихолетье глазами «короля смеха»/Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. А.Е. Хлебиной, В.Д. Миленко. — М.: Посев, 2011. — 428 с.: ил.

Забывтая война: сб. ист.-лит. произв./Сост. Р.Г. Гагкуев. — М.: Посев, 2011. — 464 с.: ил.

*Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом 1941–1945. — 4-е изд., испр. — М.: Посев, 2011. — 344 с.

Красная смута: сб. ист.-лит. произв./Сост. Р.Г. Гагкуев. — М.: Посев, 2011. — 624 с.: ил.

*Редлих Р.Н.* Предатель. Роман. — М.: Посев, 2011. — 232 с.

*Пермикин Б.С.* Генерал, рождённый войной. Из записок 1912–1959 гг. /Ред.-сост. С.Г. Зирин. — М.: Посев, 2011. — 284 с.: ил.

Совет выслушал информацию членов Совета о союзной работе в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Воронеже и в других городах России и на Украине.

Совет обсудил заслушанные доклады и сообщения и принял следующие решения:

1) Рекомендовать союзным группам и активистам принять участие в организации и проведении на местах мероприятий, посвящённых 20-летию Августовской революции с освещением позиций и действий НТС в тот период;

2) Отметить положительный опыт Санкт-Петербургской группы Союза по распространению идеологических позиций Союза в формате участия в семинарах, конференциях других общественных объединений, проведения Союзных выставок, презентаций своими силами с использованием литературы издательства «Посев», выступлений в СМИ членов Союза подготовке к изданию буклетов с союзными позициями. Рекомендовать союзным изданиям подробнее освещать подобную деятельность Союза;

3) Исполнительному бюро Совета Союза проработать списки адресов и схему рассылки документов, содержащих позиции Союза по актуальным событиям и датам;

4) Совершенствовать в дальнейшем подготовку к различным союзным юбилейным датам, в целях их использования для распространения союзных идей, правды об истории Союза и его активных деятелях, для чего:

— провести организацию и систематизацию архива Союза в Москве, включая архивы НП «Посев» и журнала «Посев»;

— активизировать работу по сбору воспоминаний членов Союза с аккумулированием материалов и документов в московском офисе НП «Посев» (127051 Москва, ул. Петровка, д. 26, стр. 2, оф. 96, E-mail: posevru@online.ru);

— улучшить взаимодействие структур Союза в России с архивом НТС во Франкфурте-на-Майне, в целях оперативного обмена документами и информацией;

5) Призвать членов Союза к регулярному проведению на местах подписных компаний на журнал «Посев».

Совет выслушал сообщение Р.Г. Гагкуева о проекте участия издательства «Посев» в электронной книготорговой сети. Совет признал целесообразным и полезным такое участие.

Совет обсудил общественно-политическую ситуацию в стране накануне парламентских и президентских выборов. При этом отмечено следующее:

— при внешнем относительно благополучном финансовом положении России ключевые внутренние проблемы в экономике и социальной сфере накапливаются и усугубляются, реформирование в этих сферах часто имеет имитационный характер, отягощённый массовой коррупцией в государственных и экономических учреждениях;

— авторитарно-олигархическая модель управления страной, при которой отсутствует реальная конкуренция в политике и в общественно-экономических

сферах, не обеспечивает развития страны, не гарантирует защиты прав и интересов граждан, способствует утрате доверия граждан к власти, потере уважения к России со стороны развитых стран;

— попытки властей силовыми методами сохранить сложившуюся ситуацию и распределение доходов от торговли природными ресурсами среди ограниченного круга лиц и учреждений со временем будут вызывать всё большее противодействие общества и могут привести к серьёзным потрясениям;

— власть обязана проявить ответственность перед обществом, для чего необходимо расширить возможности граждан влиять на принятие государственных решений, изменив процедуры формирования органов власти, регистрации партий и общественных организаций, прекратить управление СМИ, максимально сократить долю участия государства в экономике, спо-

собствовать развитию конкуренции во всех сферах, обеспечить доступ общества к реальной информации о происходящем, быть правовым регулятором, а не диктатором в общественных отношениях;

— на предстоящих выборах НТС призывает голосовать за партии и кандидатов в президенты, которые на деле, а не на словах разделяют изложенные выше оценки, это не относится к тем, кто руководствуется коммунистической, нацистской или иной тоталитарной идеологией. В случае отсутствия на выборах таких партий и кандидатов сами выборы теряют свой смысл, а власть, избранная на них, — свою легитимность.

Разрешение внутренних проблем России сегодня важнее любых внешних дел!

Совет постановил провести очередное заседание осенью 2011 г. и завершил свою работу.

## ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

*Александр Серёгин*

# «БЫВШИЕ ЛЮДИ»

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ  
ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

**Ж**изнь и судьба людей поколения, сформировавшегося в период 1985–1991 гг., можно считать поучительной для последующих поколений, начавших политическую, культурную и образовательную социализацию в период «реформ сверху». Нашему поколению, безусловно, повезло — реформы М. С. Горбачёва пробудили независимость сознания, сделали внутренне невозможным примирение с официально-государственной ложью и лицемерием, создали внутреннюю основу для нормальной жизни именно нашего поколения в условиях демократии и рыночной экономики. Мы могли с полным основанием считать себя тем фундаментом, на котором будет выстроена **Новая Россия**. Что бы ни говорили сейчас представители нашего поколения, мы в основном приветствовали поражение ГКЧП в августе 1991 г., распад СССР в декабре 1991 г. — они совпали с нашей «первой юностью», годами обучения в вузах, «самоотверженной» работой в стихийно складывающихся рыночных структурах первой половины 1990-х гг. — от ларьков до первых частных школ.

Современное же социальное положение представителей поколения Перестройки не внушает оптимизма. С одной стороны, почти 100% поколения имеет высшее образование. С другой стороны, статистика влиятельности людей возраста 35–40 лет неутешительна — более половины представителей поколения является безработными, причем, безработными абсолютно добровольными, с «идеологической» подоплёкой нежелания участвовать в той системе, которая сложилась в стране с середины 1990-х гг. по настоящее время. Человек нашего поколения на работе сейчас — ред-

кость, скорее исключение, чем правило. Незначительные вкрапления видны в системе образования, культуры, СМИ, с большого отчаяния — в сфере услуг. Основной источник существования — рента с собственной квартиры при явном ухудшении своих же жилищных условий.

«Фундаментом **Нового Общества** мы не стали, а лишь брезгливо отвернулись от ситуации, когда оправившиеся от шока начала 1990-х гг. деятели КПГБ, КПСС и ВЛКСМ (временно отсидевшись в рыночных структурах) поняли, что лучший бизнес в России — это власть, и вновь стали прибирать страну к рукам.

Наше поколение стремительно утрачивает профессиональные и социальные навыки, оно по привычке атомизируется «на кухнях» — их замечания о прошлом и будущем страны по-прежнему оригинальны и остры, полемический задор неиссякаем, однако эффект от «кучкования» невелик. Нынешние правители России оказались умнее предшественников из Политбюро ЦК КПСС — они не преследуют словесное инакомыслие, «идеологический свисток» не пугает их, ему противопоставлены не репрессии, а полное отсутствие властной идеологии, что на корню губит привычные методы борьбы российской интеллигенции. Люди поколения Перестройки постепенно превращаются в «бывших» — живущих лишь яркими воспоминаниями августа 1991 г.

На данный момент мы вполне можем поставить себе отметку «удовлетворительно» — мы можем быть удовлетворены тем, что не поступаемся принципами, не сотрудничаем с властями, не требуем суда над Гор-

бачёвым и не ностальгируем по СССР. Однако «удовлетворительно» могут нам поставить и нынешние власти России по тем же мотивам. Они вполне удовлетворены нашей пассивностью. Им абсолютно неинтересны наши принципы, отказ от активной жизненной позиции также приветствуется — бывшие коммунисты-партократы прекрасно понимают, что представителей нашего поколения «на работе» не так уж легко склонить к привычным для них мерзостям — доносам, взяткам и коррупции. По большому счёту, им не нужен суд над Горбачёвым — в этом случае вскроется истинная роль многих из них, восстановление СССР может привести к непредсказуемым и отрицательным изменениям в так называемой «элите» и также нежелательно для неё, несмотря на имперскую риторику.

Нельзя сказать, что через 20 лет после распада СССР всё вернулось на круги своя. Ситуация качественно иная, чем в середине 1980-х гг. Однако система постепенно воспроизводит себя, пассивного сопротивления и словесного осуждения недостаточно. Ожидаемых нами в августе–декабре 1991 г. изменений в обществе не произошло.

В духовной сфере, безусловно, позитивным моментом является свобода совести и художественного творчества. Однако основные духовные черты современности — засилье массовой культуры, близкая смерть системы образования и фундаментальной науки, попытки введения цензуры в гуманитарных науках. Безобразно в этом свете выглядит деятельность «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и агрессивный православный клерикализм, прикрывающий явный чиновный передел собственности и дающий ему «нелиберальные» лозунги. С сожалением приходится констатировать, что духовный вклад поколения Перестройки незначителен — страна «проживает» советский потенциал, деятели «сериалов», конечно же, не в счёт.

В социальной сфере возросла степень мобильности, однако её основной вектор — эмиграция, при этом она носит социальный, а не политический характер. Поколение Перестройки в 1990–2000-х гг. — в первых её рядах, своим отъездом сужает и без того незначительную базу для необходимых реформ. Внутри же страны социальные «лифты» накрепко закрыты номенклатурной сцепкой представителей административной и псевдорыночной структур, что лишь усиливает социальную апатию.

В сфере экономики с конца 1990-х гг. при молчаливом согласии большинства (в том числе и поколения Перестройки) под разговоры об усилении роли государства в периоды кризиса сформировался псевдорынок с государственно-олигархическими монополиями во главе угла (контрольные пакеты акций крупных корпораций уже в руках государства). Наличие частной собственности в почти раздавленных налогами предприятиях торговли и сферы услуг не должны вводить в заблуждение — средний и мелкий бизнес находится при последнем издыхании (а значит, и вождельный «средний класс»), конкуренции нет, что осо-

бенно чувствуется на рынке труда, на котором царит родственно-дружеский протекционизм и вопиющее злоупотребления властным статусом. Человеку поколения Перестройки (да и других поколений) невозможно доказать свою конкурентоспособность — без протекции его просто не пригласят на собеседование. В результате грубейшего нарушения государством рыночных законов Россия получила чудовищный хозяйственный гибрид — планово-государственную экономику с псевдочастными монополиями и безработицей. При этом данный гибрид сознательно выдаётся за «рынок», что сопровождается призывами к увеличению налогов на действительно рыночные структуры и возрастанием доли собственности государства (в лице близких к власти чиновников). Единственным положительным моментом можно считать отказ от планово-принудительного трудового распределения и уголовного преследования «тунеядцев».

Наиболее заметны неудачи поколения Перестройки в сфере политики. Перечисление «успехов» и неудач современной «демократии» можно продолжать до бесконечности. В рамках статьи хотелось бы лишь развезть тезис о победе «демократии» в России ссылкой на действительно присутствующую пока в обществе свободу слова. Свобода слова — важный элемент демократии, но не единственный. Демократия — это ответственность за своё слово в случае его недостоверности, демократия — это умение общества добиться от власти реализации своего свободного слова. Демократия — это подлинная, а не ложная многопартийность, возможность легитимной смены власти путём честных выборов. На данный момент приходится констатировать — в России сверх меры абсолютно безответственной свободы слова (как со стороны общества, так и со стороны власти) при полном отсутствии демократии.

Особенно чувствительно поражение демократии ощущается в возрождении мифов о «полководце» и «менеджере» Сталине. Для поколения Перестройки их реинкарнация наиболее болезненна, в своём отношении к личности «вождя» мы определились в конце 1980-х гг., однако отсутствие своевременного юридического осуждения коммунистического тоталитаризма и люстрации (на которые справедливо решились лишь страны Балтии и Грузия) приводят к постепенному и безнаказанному возрождению «лика» явного тирана в православно-имперском облики.

Хочется верить, что развернувшаяся в год 20-летия событий августа–декабря 1991 г. дискуссия поможет поколению Перестройки обрести новое дыхание. Само по себе поколение невелико — всего 6 лет формирования, оно утомлено экономическими и профессиональными неудачами 1990–2000-х гг., не имеет навыков борьбы, ибо в своё время получило свободу от «реформ сверху», переживает глубокий мировоззренческий кризис, однако другого монолитного поколенческого массива для продолжения реформ, начатых в конце 1980-х гг., в обществе просто нет. Костенеющему авторитаризму власти можно противопоставить лишь собственный профессиональный и социальный успех, на базе которого возможна борьба за расшире-

ние границ реформ. Необходимо отказаться от охватившей нас летаргии, перестать быть «бывшими людьми» и сказать «нет» однопартийности и узурпации власти, как в своё время сказали «нет» тоталитарной 6-й статье Конституции СССР. В противном случае мы

обречены на «долгую зиму» и, может быть, ещё лет через двадцать, на склоне жизни, нам посчастливится участвовать в очередной «Перестройке» и «десталинизации», дарованной по воле Генерального секретаря единственной правящей партии.

*Владимир Чичерюкин-Мейнгардт*

## Полковник В. А. Геймовский

**В**первые фамилию полковника Геймовского я услышал летом 1999 г., когда гостил у моей родственницы Нины Петровны Мейнгард (ур. Миловидовой) в южной Калифорнии. В те дни мы неоднократно приезжали в гости к её старинным пражским друзьям, жившим в Лос-Анджелесе. С «пристрастием» расспрашивал я их о чинах Белых Армий, кого они помнили по довоенной Праге или по послевоенным лагерям для «перемещённых лиц» в западной зоне оккупации Германии, либо по более поздним временам, когда они обосновались в США.

Гимназическая подруга моей родственницы Ирина Александровна Павлова (Каутская) вспоминала своего отца, капитана-дроздовца А. К. Павлова, своего дядю, капитана-марковца М. Г. Коваленского, и своих знакомых по послевоенной Германии братьях Горачек. Рассказывала она и некоем белом офицере, который в Праге занимался с русской эмигрантской молодёжью. Это происходило накануне Второй великой европейской войны, т. е. году в 1938 или 1939 г. Как она запомнила со слов старших, этот офицер был участником Гражданской войны. На вид ему было лет сорок или около того. Русские пражане величали его полковником. Занимался он с эмигрантской молодёжью — активистами Национально-трудового союза нового поколения, или, как их называли русские эмигранты, с нацмальчиками. По словам Ирины Александровны, полковник учил нацмальчиков ориентированию на местности по компасу и без оно, разбивке лагеря в лесу, оборудованию тайников, кроссу по пересечённой местности, стрельбе.

Этого же полковника вспоминал в 1999 г. Кирилл Алексеевич Калякин (1919–2003) — активист НТС первого призыва. Кирилл Алексеевич принимал участие в занятиях, которые проводил тот самый полковник. Однако вспомнить фамилию этого человека он не мог. Он вспоминал других русских военных. Например, генерал-майора Владимира Харжевского, который в конце 1930-х гг. выступил на одном из собраний русской эмигрантской молодёжи в Праге. Во второй половине 1940-х гг., когда Кирилл Алексеевич пребывал в лагере для перемещённых лиц в западной оккупационной зоне Германии, старостой в этом лагере русские беженцы избрали полковника князя С. Д. Гегелашвили. Но фамилию полковника из Праги он вспомнить не мог.

Спустя несколько дней после нашей беседы Кирилл Алексеевич позвонил из Лос-Анджелеса своему млад-

шему брату Николаю, проживавшему в Сакраменто, и тот сразу же вспомнил фамилию таинственного полковника — Геймовский.

Прошло два или три года, и вот, просматривая учетные карточки чинов 1-го армейского корпуса генерала от инфантерии А. П. Кутепова в Государственном архиве Российской Федерации — ГА РФ в Москве, я неожиданно наткнулся на знакомую фамилию. Этот документ я хотел бы здесь процитировать.

«Геймовский Виктор Алексеевич штабс-капитан 1-й Генерала Алексева батареи. Родился 17 февраля 1899 г. в городе Юрьеве Лифляндской губернии, православный, холост. Воспитывался в Арзамасском реальном училище и при Нижегородской гимназии экстерном сдал экзамен по латинскому языку. Был принят в Петроградский университет, но, не явившись туда, добровольно в 1916 г. поступил на военную службу. На военной службе с 1 июля 1916 г. до декабря 1917 г. В Германской кампании участвовал в составе 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В 1918 г. участвовал в Москве в контрбольшевистской организации Б. Савинкова. 4 месяца просидел в Вологодской каторжной тюрьме. В Добровольческой армии с 21 ноября 1918 г. Ранен в ногу ружейной пулей навывлет». ГА РФ. Ф. 5928. Оп. 2. Д. 251 (1922 г.).

Фамилия Геймовский довольно редкая. Год рождения совпадает с примерным возрастом белого офицера жившего в Праге, которому в 1938 или в 1939 гг. на вид было около 40 лет. Не совпадает чин полковника. Но здесь можно предположить, что его могли произвести в чин подполковника, через капитана, ведь до середины 1920-х гг. чинопроизводство в Русской Армии, свёрнутой к тому времени в Русский Обще-Воинский Союз — РОВС, ещё имело место. А уже эмигрантская молва произвела подполковника Геймовского в полковничий чин.

Интересная деталь обращает на себя внимание — В. А. Геймовский состоял в подпольной организации знаменитого эсера-террориста Б. В. Савинкова, который летом 1918 г. готовил антисоветское восстание в Москве. Следовательно, офицер-артиллерист мог быть ознакомлен с какими-то азами подпольной, т. е. конспиративной, работы на вражеской территории. Следовательно у него могла молодёжь кое-чему поучиться. А в Чехословакию он, скорее всего, попал по студенческой визе в первой половине 1920-х гг.

Не исключено, что в 1941 г. В. А. Геймовский отправился в качестве переводчика на Восточный фронт,



как целый ряд нацмальчиков — активистов НТС, включая К. А. Калякина, О. Лопуховского, В. Пьянкова, В. Хасапова, сыновей инженера Бевада.

Однако после окончания Второй мировой войны мои собеседники полковника Геймовского больше не встречали.

## Короткие сообщения

**П**о случаю 65-й годовщины мученической смерти ген. А. А. Власова и его соратников, с ним же убиенных, по благословению Архиепископа Андроника, о. Григорий Котляров отслужил панихиду в воскресенье

31 июля 2011 г. после литургии в храме Преп. Сергия Радонежского на Толстовской Ферме 104 Lake Rd. Valley Cottage, N. Y.

*Сообщение Петра Николаевича Колтыгина*

**23** июля 2011 года в Храме Всех Святых, что у метро Сокол в Москве, состоялась заупокойная панихида в связи с годовщиной со времени скоропостижной кончины Вадима Юрьевича фон Каульбарса — основателя Добровольческого корпуса, одного из главных организаторов борьбы за возрождение памяти воинов, погребённых на территории Всероссийского военного Братского кладбища героев Первой Мировой войны и Всехсвятского приходского кладбища, участника создания Православного некрополя «Примирения народов России, Германии и других стран, воевавших в двух Мировых и Гражданской войнах», элементами которого стали символические надгробные плиты «Вождем Белого движения», «Казачьим атаманам», «Юнкерам и кадетам», Православные Кресты и другие памятные знаки, воздвигнутые в 1994–1999 годах у Храма Всех Святых на Соколе.

23 июля 2011 года панихида в Храме Всех Святых прошла и в память всех организаторов и участников борьбы за возрождение Всероссийского военного Братского кладбища на Соколе, ушедших из жизни в предыдущие годы. Среди них:

Юрий Вадимович фон Каульбарс — отец и единомышленник Вадима Юрьевича фон Каульбарса, орденноносец и участник боевых действий на Ближнем Востоке в качестве военного специалиста, активный

участник Добровольческого корпуса в составе Марковского подразделения;

Юрий Алексеевич Ульянов — гвардии подполковник в отставке, автор ряда книг, научных статей и очерков по истории создания Русской авиации, внучатый племянник и биограф знаменитого Русского авиатора Сергея Алексеевича Ульянина;

Пётр Фёдорович Космолинский — руководитель Военно-исторической организации «Московский корпус», единомышленник и соратник Вадима Юрьевича фон Каульбарса;

Александр Альбертович Боткунов — мичман ВМФ.

Во время заупокойной службы были помянуты родственники Вадима Юрьевича фон Каульбарса: Александр Васильевич фон Каульбарс, Георгий фон Каульбарс и Владимир фон Каульбарс — участники Первой Мировой войны и Белого движения.

ПРИЗЫВАЕМ всех друзей и единомышленников Вадима Юрьевича фон Каульбарса (как Православных Христиан) хотя бы на время отринуть и забыть все взаимные мирские разногласия и обиды (разделяющие людей), чтобы 23 июля с.г. ПОМЯНУТЬ ЭТОГО ДОСТОЙНЕЙШЕГО ПРАВОСЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА и его соратников, ушедших из жизни в предыдущие годы.

*Сообщение Андрея Власова*

### ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

## Харри Поль

**2** июля 2011 года скончался Харри Поль. Что предвещала судьба немецкому пареньку, родившемуся в 1930-х годах? Ничего хорошего. Фольксштурм на Восточном или, в лучшем случае, на Западном фронте. Но время летело быстрее возраста, и война обожгла, но прошла рядом. Вместо нацистского режима над Германией распростёр своё право советский режим. Тем, кто не был согласен с ним, была уготовлена страшная судьба подвалов ШТАЗИ и коридоров КГБ (тогда МГБ и СМЕРШа). Наш друг Харри Поль прошёл этой трудной дорогой. Не как турист он познакомился с «оздоровительными» лагерями Ворку-

ты и Республики Коми, там вместе со своими сверстниками и с людьми намного старше него он прошёл суровую школу жизни и выживания — и остался человеком. С вечной трубочкой в губах и приятным ароматом табака, отзывчивой улыбкой на устах, он не только не озлобился против бывших тюремщиков, он, наоборот, полюбил Россию и всю свою жизнь отдал борьбе за Свободу России и её людей. Светлая память о Харри Поле, о его делах и о его заботе о людях сохранится в наших сердцах. Он был не просто прекрасным человеком и нашим другом — он был настоящим солидаристом.